

Рассказ Лега PM

Дебрский Владислав

Владислав Николаевич Дебрский

Рассказ Лега РМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34111262

SelfPub; 2023

Аннотация

Даниил Андреев во Владимирском центре начинает свою знаменитую "Розу мира". Полвека спустя разговор об этой книге служит поводом для интересного знакомства.

Владислав Дебрский

Рассказ Лега РМ

Великий космический прорыв

Эта история произошла во Владимире. Вы сами-то были во Владимире? Мне посчастливилось бывать в этом городе не раз. Чудесный и таинственный город, один из стационарных узлов связи между потоками смыслов, если вы понимаете, о чём я. Я бы сравнил этот город с богатырём. Что, удивлены? Да, с богатырём. Только не совсем понятно: этот богатырь уже спит или ещё спит, то ли он заколдован, то ли он сам кого хочешь заколдует, когда проснётся. А ещё этот город можно было бы сравнить со львом. Непроста, наверное, его изображение появилось на гербе города. Лежит себе этот лев на берегу Клязьмы, щурится на солнце, и никто вам не скажет, что у него на уме. Все ответы скрыты до времени. Вы, возможно... да нет – точно не поверите, что здесь могло произойти событие космического значения. Ну, признайтесь. Хорошо, я не буду на этом настаивать, – пускай не космического, с вашей точки зрения, – но, уж поверьте мне, такое происходит на Земле не каждый день. Я расскажу вам об одном происшествии, вошедшем в нашу космическую летопись, которому сам был свидетелем. Послушайте, и может, вы согласитесь с моей оценкой этого события.

История, которую я собираюсь вам рассказать, сложилась

из многих предшествующих ей событий, о которых я тоже постараюсь упомянуть. И, конечно, мне придётся поделиться с вами некоторыми тайнами, которые касаются персонажей этой истории. А начну я с того дня, когда наше Сообщество, снабдив меня всей необходимой информацией, благословило меня и отправило во Владимир. Мне предстояло запротоколировать предстоящее событие и немного поспособствовать приведению его к желательному для нас финалу. Но начну я не с себя, а с одного из героев этого космического явления.

Это было начало лета. Александр возвращался с работы домой в редком для него благодушном настроении. На вид ему было около тридцати, но, если бы вы поговорили с ним хотя бы пять минут, вы бы непроизвольно накинули ему ещё лет десять. Александр всегда был чрезвычайно серьёзен, сдержан и рассудителен. А вообще, он с вами и говорить бы не стал. Дело не в вас, не подумайте. Александр сам по себе был таким человеком – нелюдимым и неразговорчивым. По лицу его можно было видеть, что этот человек постоянно погружён в раздумья над чем-то значительным и важным. Маленькие радости жизни не привлекали его внимания, он предпочитал не расходовать на них своё время и эмоции. Складывалось впечатление, что он уже давно успел пережить все уготованные человеку страсти и чувства. Даже его мама недоумевала, как это её Саша так вот сразу родился стариком. А поскольку к старшим она питала почтительное

уважение, это уважение распространялось и на сына, с лет его, не совать, десяти. Она всегда интересовалась мнением сына и спрашивала его совета по всем вопросам, кроме бытовых.

День был пятничный. Александр выходил с работы, составив для себя грандиозный план на предстоящие выходные: ничего не делать, никуда не ходить – только читать. Нужный автобус подкатил, как только Александр ступил на остановку. Он взял билет и устроился у окна в конце салона. Было душно. Автобус тронулся, и за окном, без прелюдии, зарядил первый в это лето ливень. Кстати, никогда не понимал, почему люди говорят: льёт с небес. Дождь – это вполне земное явление, а не небесное. С Небес к людям идут не осадки.

Прохлада с улицы, через открытые окна автобуса, вытеснила духоту. «Хорошо» – подумал Александр. Он даже не успел спланировать, как он без зонта доберётся от остановки до дома, а ливень за окном так же резко, как начался, перестал. «Хорошо». Как раз на его остановке. «Небеса помогают достойным?», – мелькнуло в голове Александра, и он первый раз за день позволил себе улыбнуться.

От остановки до дома Александр пошёл не торопясь, глубоко вдыхая чистый, после дождя, воздух. «Хорошо». Воздух после дождя, а ещё лучше после хорошей грозы – это одно из немногих явлений, которые радовали Александра искренне. Он был идеалистом. Он верил, что этот мир, люди, предметы должны стремиться к совершенству. И совсем

неудивительно, что всё, с чем он сталкивался в действительности, вызывало у него глубокое неприятие. Он рисовал в воображении, какими могли бы быть люди и их дела и раздражался оттого, что не видел этих преобразений в реальности. Частенько осыпал он проклятьями весь род человеческий за нежелание людей признавать и исправлять свои ошибки. Справедливости ради, скажу, что для себя Александр не делал никаких скидок. Он постоянно изводил себя, разбирая свой характер, свой образ жизни, свои поступки. Поверьте мне, он был добр и доверчив, но боялся выглядеть таковым в глазах людей. Он всегда был облачён в панцирь цинизма и безразличия, и в последнее время всё чаще, даже наедине с собой.

Александр шел, вдыхая смесь очищенного дождём воздуха с запахом прибитой дождём пыли и лёгким ароматом цветов и травы. Он не думал ни о чём, он просто (большая редкость!) наслаждался. А в глубине души, он считал все наслаждения греховными.

Александр даже не прикинул навскидку процентное содержание в воздухе всех его составных компонентов, в данный момент. А это было бы очень интересно. Он постоянно что-то высчитывал, выявлял различные закономерности и составлял различные теории. Но сейчас, всё его естество, на короткое время освобождённое от гнёта разума, блаженно шептало: «Хорошо!».

«Увы, хорошее долго продолжаться не может», – вдруг по-

ник Александр. Он увидел у своего подъезда поджидающего его Евгения. Александр понял, что сейчас, в блестяще разработанный им план на выходные будут внесены существенные изменения.

Евгений был единственным другом Александра. То, что они до сих пор дружили, была заслуга только Евгения. Кто другой вряд ли терпел бы в друзьях вечно угрюмого, всем и всеми недовольного Александра. Но Евгений тоже был идеалистом. Правда, в отличие от Александра, идеалистом со знаком «плюс». То есть, он считал, что этот мир уже совершенен, люди интересны, а всякая новая вещь приводила его в восторг. Но если Евгений принимал человека со всеми его странностями и слабостями, то Александр оценивал окружающих, только в той мере, насколько они далеки от идеала. Весь бубнёж и занудства Александра Евгений пропускал мимо ушей и видел в нём только умного и честного друга.

Конечно, и Евгений позволял себе кинуть острое словцо по любому адресу, и прямо в глаза. Для него не было неприкасаемых личностей и запретных тем. Но никогда он не говорил с желанием унижить противника, как человека. Даже, когда призывал небеса обрушить на головы своих недругов все мыслимые и немыслимые наказания. И даже, когда, не дожидаясь решения небес, сам применял к оппонентам меры физического воздействия. Я знаю несколько таких случаев. И всё же, я утверждаю, что и в своих врагах Евгений не переставал замечать человеческое достоинство. Хотя кому-то,

выслушивая его едкие, а порой и ядовитые высказывания, могло показаться не так.

Ещё Евгений был замечателен тем, что ему совершенно было незнакомо такое чувство, как зависть. Ни в каком виде. Я полагаю, что вы немногих вспомните людей, если вообще кого-нибудь вспомните (кроме себя, разумеется), способных искренне, без оговорок, принять чужой успех, чужую радость, чужое счастье. Евгений мог. Может потому и шёл он с лёгким сердцем, не обращая особого внимания на те неприятности и проблемы, которые, не скупясь, подкидывает жизнь. А вот Александр похожие неприятности и проблемы обязательно преодолевал героически, то есть через борьбу, напрягая все силы.

Узнав о них всю информацию, я и предположить не мог, что им предстоит участие в нашем предприятии. Парочка с такими характеристиками подойдёт не для всякого Земного дела, не говорю уж о Космическом. Ну, посудите сами: один чрезмерно серьёзен, другой чрезвычайно беззаботен. Вы, конечно, хотите меня спросить, что же тогда их связывало, таких непохожих. Повторять вам мысль, что противоположенные заряды притягиваются, я не стану. Вольтметром или, как там заряды определяют? – их точно никто не измерял; уж мне бы об этом рассказали. Вообще, я считаю, и всё чаще нахожу этому подтверждения, что раскладывая на составляющие элементы дружбу, совесть, благородство и всерьёз докапываться до их первоосновы, могут только люди, к этим

понятиям непричастные. Я думаю, что восемь лет их дружбы говорят сами за себя. Хотя, вот что: была у них общая (странная по нынешним временам) увлечённость – любовь к литературе. Когда один из друзей находил достойную внимания книгу, после него эту книгу обязательно читал другой, и в течение нескольких дней они обсуждали прочитанное, иногда споря до синевы. Причём, с толчками, ударами, подножками, болевыми и удушающими приёмами. Это были такие споры, что со стороны можно было подумать, что, скорее всего, это будет последний разговор в жизни, для одного из них. Согласитесь, что глядя на двух толкающихся и заламывающих друг другу руки тридцатилетних мужчин, вряд ли можно предположить, что это не что иное, как литературный диспут. Очень некрасиво. Белинский вряд ли одобрил такую форму дискуссии. Как пример:

Они прогуливались по центру города. В тот летний день темой обсуждения была «Лолита» Набокова. Евгений утверждал, что книга интересна только тем, что она написана американцем, думающим по-русски, не более. Александр же, в защиту книги, приводил высказывания о ней известных литературоведов и критиков.

– Да что ты мне его мировым признанием тычешь, – возмутился Евгений, сопровождая своё недовольство ударом в плечо.

– Так для тебя вообще нет авторитетов? – иронически восхитился Александр, пиная Евгения по ногам.

После серии взаимных ударов, они подошли к палатке с напитками и мороженым.

– У меня есть своя голова, чтобы понять, что умный и талантливый писатель опустился до мерзости, – зарычал Евгений, и сразу понизив тон: – Тебе сок или газировку? Два сока, пожалуйста, – ласково попросил он, напрягшуюся было от его крика, продавщицу. Они утолили жажду и пошли дальше. Отойдя от палатки несколько шагов, Евгений начал наносить легкие удары в корпус оппонента: – Значит этот Гумберт энд Гумберт (по мнению автора, интеллигент и гуманист) сплавил на тот свет мамашу (всё равно мамаша дрянь), пичкал девочку снотворным, удовлетворил свою похоть (девочка сама виновата, её ещё до того, пионеры развратили), а у него самого, при всём при этом – пыжится пояснить нам Набоков – тонкая, ранимая душа.

Александр, отбиваясь, попробовал провести параллель с Достоевским и напомнил Евгению о Настасье Филипповне.

– И сравнивать не смей, – угрожающе предупредил Евгений и толкнул Александра в бок. – И вообще, есть разница – упомянуть, что есть такие выродки, и посвятить такому выродку целую книгу.

Александр, если честно, пытался возражать, скорее, для соблюдения правил игры. Но Евгений был неистов:

– А ещё противней, что писалась эта книга изначально под скандал, а значит – для барыша. Тьфу! – Евгений толкнул Александра сильнее.

– Нет, противнее всего, – угрюмо проворчал Александр, – что тысячи мразей называют теперь своих жертв Лолитами, а себя считают заранее оправданными этой самой книгой, при этом, не прочитав её ни разу.

Тут Александр изловчился и произвёл удушающий захват Евгения, который сам же его и научил такому приёму. Вообще, в последнее время, они спорили только для поддержания спортивной формы и чтобы мозги не кисли. На глобальные вещи у них давно был общий взгляд.

– Всё? – спросил Александр, начинающего багроветь Евгения.

– Всё! – прохрипел Евгений.

Принимая во внимание закрытость Александра, его непригодность к жизненным виражам, добавлю, какую ещё важную роль играл Евгений в его жизни – он был его проводником в мир людей. Живых людей, невымышленных. Если бы не Евгений, с его жадой приключений на свою... скажем, – голову, то жизнь Александра, к его тридцати годам, ограничивалась бы схемой «дом-работа-дом». Обычно Евгений врвался к Александру и с возгласом: «Вперёд, на встречу впечатленьям!», вытаскивал его из его логова, и они, следуя этому девизу, находили этих впечатлений в таком количестве, что их хватило бы на семь жизней. Но это тема отдельного рассказа. Вернёмся к подъезду и нашим героям.

Они поздоровались. Евгений подозрительно светился. Ничего хорошего для Александра это не предвещало.

– Сегодня вечером нас ждёт славное событие, – загадочно произнёс Евгений. – Мы назовём это Великий космический прорыв. Тебе хватит полчаса принять душ и собраться?

Александр обреченно вздохнул, и они поднялись в его квартиру. Их встретила Анастасия Сергеевна, мама Александра. К Евгению она относилась почти по-родственному. Она была благодарна ему за сына, понимая, что без Евгения её Саша всю свою молодость провёл бы затворником. По-дробностей их походов и то, что её Саша, вне её видимости, был далеко не затворником, она, слава Богу, не знала. Главной мечтой Анастасии Сергеевны было то, чтобы друзья поскорее нашли себе невест, завели детей и зажили бы спокойной обывательской жизнью.

Пока Александр без особого энтузиазма подготавливался к предстоящему «Великому космическому прорыву»: принимал душ, брился, гладил брюки, Евгений с Анастасией Сергеевной чаёвничали на кухне. Зная Евгения, как любителя покушать (а он никогда этого и не скрывал), Анастасия Сергеевна своими гастрономическими изысками всегда располагала его к доверительной беседе. С приходом Евгения, всё, что было съестного в доме, всегда выставлялось на стол. Анастасия Сергеевна очень страдала от скрытности сына, а Евгений был для неё единственным источником информации о внедомашней жизни её Саши. Беседы с Евгением успокаивали её. Он знал что и как рассказать, чтобы утешить материнское сердце. Правды в его рассказах была лишь незна-

чительная часть, но стоит ли осуждать его за это.

Когда Евгений и Александр вышли из дома, Анастасия Сергеевна ещё долго сидела на кухне, уставившись в одну точку. Уходя, Евгений успел ей шепнуть о каком-то предстоящем «великом событии». Так и не придумав никаких объяснений словам Евгения, она прошла в свою комнату, встала перед иконой Николая-Чудотворца и начала возносить ему свои материнские молитвы.

А друзья, тем временем, уже приехали на Садовую. Отсюда им предстояло дойти до цели. Евгений специально выбрал маршрут чуть длиннее, чтобы по дороге успеть познакомить Александра с предстоящей программой этого вечера. Александр давно привык к тому, что его друг использовал малейшую возможность влезть в какую-нибудь авантюру. То, с каким величественным и вдохновенным видом Евгений ринулся в путь, говорило о том, что его новая затея должна затмить все их предыдущие приключения. Александр ждал объяснений. И пора бы уж, наверное, и мне начать объяснять вам, что за «Великий космический прорыв» задумал Евгений.

Встреча в «Примусе»

Вчера, в конце рабочего дня, на служебный телефон Евгения позвонила Оксана. Эта девушка считала, что у них с Евгением настоящие серьёзные отношения, и всем вокруг об этом говорила. Евгений же считал, что никаких серьёзных отношений с Оксаной и быть не может, но не говорил об этом

никому. Он никогда не умел открыто разрывать свои связи с женщинами. Ему казалось, что такие вещи должны как-то сами рассасываться, естественным путём. Оксана, видимо, об этом не знала и поэтому, в форме ультиматума, поставила Евгения в известность, что ждёт его в «Примусе» (так называл это кафе Евгений), для важного разговора. Никакие женские ультиматумы на Евгения обычно не действовали, но Оксанка, как бы невзначай, обмолвилась, что столик уже заказан и оплачен. Причём, главным украшением стола будет стерлядь «по-царски». «Не пропадать же добру», – рассудил Евгений. И он пошёл.

С первой же минуты разговора с Оксаной, Евгений понял, какого он свалил дурака, дав ей слово придти. Даже предстоящее знакомство со стерлядью «по-царски», которую надо было ещё дожидаться, того не стоило. К этому разговору Оксана была явно подготовлена своим отцом. А для Евгения, её папа, Сергей Иванович, и был той самой непреодолимой преградой для дальнейшего общения с Оксаной. Даже, не сам Сергей Иванович, а его взгляды на жизнь и на роль Евгения в этой жизни.

В своё время Сергей Иванович работал простым механиком на транспортном предприятии. Но подкатила Перестройка и на её волне, он нечаянно стал директором этого самого предприятия. Двигали его, находясь за его спиной, главбух и главный инженер – реальные руководители. Просто им позарез требовался безвольный дурачок в крес-

ле директора. Перемена социального статуса и материальный подъём придали новоявленному директору самоуверенности, даже слишком. Нет, для главбуха и главного инженера, а дома – для своей жены, он так и остался марионеткой и рохлей. Но с подчинёнными, соседями по двору и старыми друзьями отношения его переродились. Сергей Иванович вдруг уверовал, что достиг он своего положения лишь благодаря своему уму, своему твёрдому характеру и таланту стратега. На работе он был нужен только для подписания документов и всё остальное время он изо всех сил старался изобразить, ну хоть какой-нибудь, вид деятельности. Он так бывал этим увлечён, что сам начинал верить, что без него всё предприятие давно бы развалилось, к чертям собачим. Правда, можно предположить, что только в силу своей скромности, поделиться этим открытием он ни с кем не решался. На жену Сергея Ивановича свалившееся материальное благополучие повлияло специфически. Сначала, на деньги Сергея Ивановича, она затеяла своё предпринимательское дело. А потом ушла с этим делом к молодому любовнику, оставив в знак благодарности Сергею Ивановичу, его квартиру и его дочь. И тогда главными людьми в жизни Сергея Ивановича вдруг стали его старая мама и двадцатилетняя дочь. Вечерами, за ужином, он выкладывал им свои размышления о жизни, составленные, в основном, из прочитанного за день в модных журналах. Старуха-мать не понимала о чём он говорит, а вот дочь бессловесно внимала ему. Даже когда Сер-

гей Иванович говорил нелепости и противоречил сам себе. И всё бы ничего, но в последнее время, объектом рассуждений Сергея Ивановича постоянно становился Евгений и его образ жизни. В этих рассуждениях вслух, которые Оксана добросовестно пересказывала Евгению, чаще других, мелькали слова: «карьер», «амбициозность», «честолюбие». А для Евгения эти слова звучали, как названия венерических заболеваний. Знать о них можно, но иметь не обязательно.

В кафе на Евгения сразу хлынул поток обвинений во всевозможных грехах. Причём, любимые слова своего папы Оксана вставляла буквально в каждую фразу, а это было невыносимо. Евгения спасло то, что официант, пока готовилась стерлядь, выставил на стол холодные закуски и графин водки. Евгений, закатывая вверх глаза и покаянно вздыхая, почти в одиночку, потихоньку прихлопнул и салаты, и водку, и ... замер. Оксане показалось, что наконец-то пришёл момент, когда её слова, её безупречные доводы заставили Евгения переосмыслить своё поведение. И она уже ждала от него слова искреннего раскаяния, и даже обдумывала на каких условиях примет его полную и безоговорочную капитуляцию. Оксана ох, как ошибалась.

Причина внезапной сосредоточенной задумчивости Евгения была не в приближающемся раскаянии. Все претензии своей подруги Евгений слушал не первый раз и знал их наизусть. Суть их сводилась к тому, что Евгений, во имя своей любви к Оксане, должен стремиться к тому, чтобы жить, как

нормальные люди. В Оксанкином, с папой, понимании, конечно же. Заскучав от повторяющихся Оксанкиных упрёков, Евгений вдруг обратил внимание на компанию, человек из десяти, что располагалась через пару столиков от них. Компания была разновозрастная, скорее всего, коллеги по работе. Среди всех выделялась молодая, лет двадцати пяти, шатенка. Внешность не модельная, но симпатичная. А наблюдательного Евгения, прежде всего, привлекла её улыбка. Чистая, светлая, очень живая, и очень честная. «Совсем нетипичное женское лицо, – рассуждал захмелевший Евгений. – само по себе – женственное, но при этом, извините, ещё и умное».

Между тем, молчание Евгения вынудило Оксанку начать по второму кругу её так хорошо подготовленный монолог. Для Евгения это стало ударом. Прослушать ещё раз речь с цитатами из Сергея Ивановича у него не осталось сил. Вдобавок ко всему, на сцене зала показался местный ресторанный шансонье. Евгению он уже был знаком, и его репертуар грозил Евгению несварением желудка. Поэтому, ждуть, заказанную Оксанкой, стерлядь «по-царски», он посчитал бессмысленной тратой времени. Тут Евгений увидел, что заинтересовавшая его девушка обходит своих сослуживцев и со всеми прощается. В это самое мгновение со сцены грянул «Владимирский централ». Это стало последней каплей в чаше терпения Евгения. Он резко поднялся, схватил Оксанкину руку, пожал её по-мужицки и с максимальной, для этого

случая, задушевностью, поблагодарил:

– Спасибо тебе Оксана, открыла ты мне глаза. Я только сейчас всё понял – не так я живу. Что ж, пойду и постараюсь стать другим. Стать достойным тебя. А что? А вдруг получится? Ещё раз, спасибо тебе, – и, не дожидаясь реакции остолбеневшей Оксанки, стартовал на выход.

Выскочив из кафе, словно за ним голодные волки гнались, Евгений чуть было не сбил с ног понравившуюся ему шатенку.

– Извините, ради Бога. Если вы узнаете причину моей спешки, я думаю, вы не станете на меня сердиться.

– Я не сержусь, – успокоила Евгения шатенка, – но причину всё равно назовите.

– Вы слышите, что там звучит? – Евгений на мгновение приоткрыл дверь кафе.

– «Владимирский централ»?

– Вот именно.

– А у вас с этой песней что-то связано?

– Две остановки сердца и один гипертонический кризис.

– Прямо таки «кризис»? – хитро прищурилась девушка.

– Возможно и хуже. Врачи скрывают от меня всю правду. У меня к этой песне и музыкальная, и поэтическая, и эстетическая неприязнь. Вы сейчас куда собирались идти?

– Домой.

– Я вас провожу. Я должен убедиться, что с вами всё в порядке, после столкновения со мной.

Они пошли. Выяснилось, что девушку зовут Ольгой, что в кафе они провожали на пенсию своего сотрудника. А вот, где она работает и кем, Евгений спросить не догадался. Вообще, в этот вечер он был немного не в себе. Надо вам признаться, у Евгения был богатейший опыт знакомства и дальнейшей эксплуатации девушек. На его основе Евгений создал свою, и ему самому казалось безупречную, систему общения с противоположным полом. В его системе учитывались многие переменные величины: возраст, темперамент, круг интересов, род занятий, а также уровень интеллекта (в общении с блондинками применялся понижающий коэффициент). Здесь, я должен пояснить, что за «блондинку» Евгений признавал девушку не по цвету волос, а по цвету мозга. По отсутствию серого вещества.

Евгений не сразу понял, почему его многократно использованная, и не дававшая сбоев программа, вдруг не запускалась. В Ольге не было ни настороженности, ни лукавства, ни закрытости – нечего было обходить. А человеку, почему-то, труднее познавать другого человека, если тот без маски. Конечно, судя по тому, какую маску для себя выбрал человек, легче понять, что именно он хочет скрыть, в чём его слабость, и что он хотел бы получить от жизни. А люди, говорящие то, что думают, во все времена считались угрозой для общества. Быть самим собой может себе позволить только сильный и свободный человек, но общество обычно считает таких людей сумасшедшими. Так проще.

В общем, как Евгений ни пытался, а применить свою методику в этот вечер у него не получилось. Евгений плюнул на свои амурные алгоритмы, и разговор с Ольгой пошёл непринуждённо, как между старыми знакомыми. Евгений сам того не заметил, как много рассказал о себе. Ему нравилось, что его ироничная манера повествования, вызывала у Ольги неподдельный смех, и ей не надо было пояснять смысл сказанного или повторять дважды, как большинству девиц. Время пролетело незаметно.

Они вышли на Ольгину улицу. Было темно. Ни одного фонаря на улице не горело, и только редкие огоньки в окнах служили ориентиром в пути. Удивительно, но у Евгения даже вскользь не мелькнуло мысли о том, чтобы напроситься в гости на ночь. А ведь этот пункт был основным в его отлаженной системе. Его было не узнать. Евгений почему-то решил, что встреча с Ольгой – это особый случай. И, так и быть, вам – можно, вам – скажу: говорил он с Ольгой каким-то спокойным и неестественно естественным голосом. С такой интонацией он даже с Александром не всегда разговаривал.

– Никогда бы не подумал, что «Владимирский централ» вытолкнет меня на улицу для такого интересного знакомства, – удивлённо заметил Евгений.

– Мой дедушка там часто бывал, – призналась Ольга.

– Где?

– Во Владимирском центре.

– Так, так, так. Это я, стало быть, познакомился с внучкой матёрого сидельца? – Евгений попытался заговорить серьёзно. – А как гражданочка у вас самой обстоят дела с Законом? Читите Уголовный кодекс?

– Это моя настольная книга, – клятвенно заверила Евгения Ольга. И рассказала ему историю своего деда.

Ольгин дедушка, Дмитрий Алексеевич Амосов, закончил Великую Отечественную войну в Кенигсберге военным хирургом. В июне сорок пятого года он вернулся в родной Владимир и продолжил службу в военном госпитале. Дмитрий Алексеевич вышел в отставку, когда Ольге исполнилось шестнадцать. Всё своё время он посвятил внучке. Жили они с Ольгой вдвоём. Ольгина бабушка умерла до рождения Ольги, а Ольгина мать со вторым мужем жила в Германии.

Однажды, в разговоре за столом, дедушка несколько раз выразил вслух желание приобрести книгу Даниила Андреева «Роза мира». Сам он этой книги во Владимире не нашёл. Ольга это запомнила и купила ему эту книгу в одну из поездок в Москву. Решила сама почитать «Розу мира» в автобусе, по дороге во Владимир, продолжила дома и, дочитав до конца, по её признанию, ничего в ней не поняла. А там, в этой книге, если вы не читали, Даниил Андреев описывает метафизическую сторону жизни Человека, государства, истории. Он рассказывает о своих встречах с высшими силами и знакомством со структурой вселенной. И необычно, совершенно по-новому, он показывает миссии исторических пер-

сонажей, пророков, народов и стран. Рассказывает он и о будущем, которое ждёт всё человечество: угроза новой мировой войны и, как следствие, приход новой мировой тирании. Он говорит о необходимости, во имя спасения, объединения всех людей во всемирное Братство Розы Мира. Непонятнее всего, для Ольги, был внезапный интерес деда к этой книге. Зная из откровенных разговоров с дедом о его взглядах и мировоззрении, Ольга и предположить не могла, что эта книга может ему понравиться. Она попросила его всё объяснить. Дед объяснил.

В 1951 году случилось Дмитрию Алексеевичу прооперировать одного из руководителей госбезопасности по Владимирской области. И видимо, в качестве благодарности, решил этот прооперированный полковник перетянуть Дмитрия Алексеевича из ведомства Министерства Обороны под крыло Министерства Госбезопасности. Сначала гбэшник использовал всё своё красноречие, чтобы описать все преимущества работы в его конторе. Дмитрий Алексеевич никак не реагировал. Это обескуражило полковника, но не остановило. Он находил всё новые аргументы. Дело, даже, дошло до призывов к социалистической сознательности. Но дед уходил от его кривых разговоров и не выказывал ни малейшего желания бросать работу в госпитале ради предлагаемой синекуры. Тогда полковник напрямую поставил вопрос о переходе Дмитрия Алексеевича в их систему. Дмитрий Алексеевич также напрямую ответил, что переход этот

он считает невозможным, что у него в очереди на операцию десятки фронтовиков. Именно тех, кто не щадил себя для Победы. Полковник на это обиженно пробурчал, что и он, и его коллеги, тоже кое-что сделали для Победы.

– Конечно, вы правы, – согласился дед.

Дмитрий Алексеевич неспешно подошёл к книжному шкафу. Полковник заметил несколько икон, стоящих на полке. Подойдя к иконам, Дмитрий Алексеевич перекрестился и в кабинете негромко зазвучал «Отче наш» в его исполнении.

– Так вы, что же, верующий? – разочарованно простонал полковник. С такой характеристикой служба в органах госбезопасности была невозможна.

– А вы будто нет, – хитро подмигнул ему дед.

Полковник понял, что проиграл. Но, не желая терять лицо, он взял с Дмитрия Алексеевича обещание, что в случае крайней необходимости, они смогут неофициально обращаться к нему за помощью.

Такие обращения начались очень скоро. Полковник попросил Дмитрия Алексеевича оказывать своё содействие медперсоналу Владимирского централа. Слишком много важных персон там сидело, в то время. Это происходило следующим образом. За Дмитрием Алексеевичем в госпиталь присылали автомобиль. Было неизвестно, с какой целью гэбэшный автомобиль приехал к дверям госпиталя. А когда Дмитрий Алексеевич, в сопровождении офицера Госбезопасности уезжал, никто не мог знать вернётся ли он в

госпиталь. И эта неизвестность вызывала тревожное замешательство, как у медперсонала, так и у больных.

Автомобиль с Дмитрием Алексеевичем подкатывал к воротам Владимирского централа, и после проверки документов, въезжал в тюремный двор. Дежурный офицер обыскивал Дмитрия Алексеевича, досматривал его вещи и проводил его в тюремный лазарет. Имен своих пациентов Дмитрию Алексеевичу знать не полагалось. Но многих знаменитостей и исторических личностей он узнавал в лицо. И вот однажды, уже в 1954 году, в одном из своих пациентов, Дмитрий Алексеевич узнаёт Даниила Андреева, сына известного русского писателя Леонида Андреева. Он попал в лазарет с инфарктом.

С Андреевым Дмитрий Алексеевич уже был знаком. Впервые они встретились на Ленинградском фронте. Андреев служил при полевом госпитале. Дмитрий Алексеевич был одним из военврачей этого госпиталя. Однажды он стал свидетелем того, как Андреев тайно отпевает погибших. Деда удивило, насколько Андреев был увлечён совершением этого обряда, хотя вид имел совсем неподходящий, не только для священника, но даже для солдата. Они познакомились и обсудили смысл таинства, и позднее Дмитрий Алексеевич старался помогать этому странному бойцу.

И вот они встретились в тюремном лазарете. Андреев был очень плох. Поговорить наедине им удалось только во время второго визита Дмитрия Алексеевича. После этого дед

всегда искал возможность встретиться с Андреевым. А вот Андреев всячески старался от этих встреч уклониться. Он говорил, что боится за Дмитрия Алексеевича. Ведь неформальное общение с заключённым политического изолятора, грозило Дмитрию Алексеевичу непредсказуемыми последствиями. А дед убеждал Андреева, что ничего ему здесь не угрожает. Многие из администрации тюрьмы и некоторые их родственники были пациентами Дмитрия Алексеевича, и ему прощались многие дерзости. К тому же, Сталина уже не было в живых, Берия расстрелян, как шпион; всё в стране затаилось, в ожидании перемен, и начальство всех уровней самоустранилось, пока не будет сформулирована новая линия партии.

Дед всё-таки убедил Андреева, и писатель доверил ему труд всей своей жизни – «Розу мира», которую он начал писать во Владимире. Для того чтобы выносить из тюрьмы то, что Андреев успевал написать, дед придумал следующее. Он начал приезжать в изолятор с папкой набитой разнообразными медицинскими бумажками: рецептами, медицинскими картами, вырезками из медицинских журналов и тому подобным. Он небрежно бросал папку для досмотра, а потом очень аккуратно выставлял свой чемоданчик с инструментами. Естественно, тщательней рассматривали содержимое чемоданчика в поисках запрещённых предметов, а разбираться в содержании бумаг желающих не находилось. Вот в этой папке дед свободно выносил черновики «Розы ми-

ра». А через некоторое время, он просто уговорил начальство тюрьмы не препятствовать работе Андреева. Когда начали освобождать политических, Андреева неожиданно перевели в Москву, и проститься им не удалось. А рукопись «Розы» дед попросил начальника тюрьмы передать жене Андреева. Она приехала на свидание к мужу, ещё не зная, что он в Москве. С тех пор Дмитрий Алексеевич о писателе ничего не слышал. И только прочитав купленную Ольгой «Розу мира», он вдруг собрался разыскать его вдову. Он говорил Ольге, что должен ей передать что-то важное, принадлежавшее писателю. Но так и не успел этого сделать. Год назад Дмитрий Алексеевич Амосов умер.

Ольга и Евгений остановились около одного из домов.

– Всё, я пришла, – Ольга положила руку на калитку, ведущую во двор.

Евгений понимал, что должен сказать какие-то слова, что Ольга ждёт эти слова, но он безмолвствовал. Как народ в поэме Пушкина, когда узнал, что Мария Годунова и сын её Фёдор отравили себя ядом. А что бы он сказал? Евгений, я имею в виду, а не народ. Из тех многочисленных вариантов прощания, что были у него в заготовках для таких случаев, ни один ему не нравился. Евгения распирало сказать что-нибудь о своём впечатлении от знакомства с Ольгой. Но в тоже время, то, что он хотел бы сказать Ольге, могло показаться ей странным. А Евгений, больше всего, в этот вечер, не хотел показаться Ольге странным. Тишину остановил голос из

темноты:

– Наконец-то, появилась. Уждалась уже тебя, – женский голос был ровным, спокойным. Евгений уловил как будто прибалтийский акцент.

– Привет, тётя Аня, – откликнулась Ольга.

Тётя Аня подошла ближе:

– Ну что, проводили своего Михаила Васильевича на пенсию? Это не он тут с тобой?

– Нет, – засмеялась Ольга, – это Евгений, его мы будем провожать на пенсию чуть позже, лет через тридцать.

– Вот, держи, – протянула тётя Аня бумажку. – Телеграмма тебе из Москвы. Чего вдруг?

– Что там? – Ольга взяла телеграмму.

– Сейчас посветлю, – тётя Аня включила карманный фонарик. Но прежде, чем осветить на бумажку, она ослепила светом фонарика Евгения и рассмотрела его с головы до ног.

При свете фонарика Ольга вслух зачитала телеграмму: «Дорогая Ольга Николаевна, просим Вашего разрешения на встречу с Вами для выяснения некоторых исторических обстоятельств, связанных с участием в них Вашего деда Дмитрия Алексеевича Амосова. Заранее благодарим Вас за понимание. Наш сотрудник Рыжкова Татьяна Владимировна готова встретиться с Вами в ближайшее воскресенье. Если Вас не затруднит, просим Вас связаться с нами по телефону №—. Редакция Духовно – просветительского центра «Алконост».

– Ну, чего думаешь? – спросила тётя Аня.

– Не знаю. Завтра позвоню с работы.

– Звони. А мы пока всё подготовим к воскресенью. Надо встретить, как положено. – Тётя Аня ещё раз осветила Евгения. – Отпускай, Олюшка, своего провожающего.

Тётя Аня всегда так говорила – переделывала слова, по своему усмотрению: «уждалась», «провожающего», «посветлю». А вы-то уж, наверное, подумали, что это мои огрехи? Да нет, друзья мои, это она так выражалась, её слова. «Подолоконник» вместо «подоконник», «тукаменты» вместо «документы». И акцент, который Евгений определил как прибалтийский, был, на самом деле, немецким. Тётя Аня была настоящей поволжской немкой. О ней я расскажу чуть позже.

Евгений попрощался и побрёл до дому.

Врата Мадрита

Историю Ольгиного деда Евгений рассказал Александру, пока они шли от остановки. Когда они свернули на какую-то совсем маленькую улицу, Александр обратил внимание, что Евгений повёл себя неуверенно. У Александра затеплилась надежда, что Евгений мог забыть адрес. Значит, можно будет вернуться домой на любимый диван и читать всю ночь.

Евгений постоянно замедлял шаг, оглядывался, сделался серьёзным, что было ему несвойственно. Но вот друзья подошли к одному из домов, и Евгений стал прежним.

– Ах, наконец, достигли мы ворот Мадрита, – торжественно продекламировал он.

– Точно этот дом?

Лицо Евгения, на мгновение, покрылось сомнениями, как сыпью при ветрянке:

– Да, вроде этот.

– Так этот или «вроде»?

– Понимаешь, во-первых: дошли мы сюда с Ольгой – уже темно было, во-вторых: я же больше на Ольгу смотрел, а не на дорогу и в-третьих: я же был не совсем трезв.

– Ну-у, столько причин – тогда конечно, где уж тут запомнить, – согласился Александр. – Только назвал ты их почему-то в обратном порядке. Во-первых, был нетрезв, а уж потом – темнота и девушка.

– Да этот, этот дом... вроде, – Евгений неуверенно подошёл к калитке. – Сейчас проверим.

– Погоди-ка, торопыга, – остановил его Александр. Александра раздражала эта манера Евгения действовать без подготовки, без четкого плана. Почти все их неприятности, а их было немало, поверьте, начинались похоже. Начинались они похожими фразами: «Сейчас узнаем», «Сейчас посмотрим», «Сейчас попробуем», «Сейчас спросим». – Ты, может, всё-таки объяснишь мне, что мы здесь делаем.

– Сейчас объясню, – было видно, что Евгений готовится удивить Александра тем, что на этот раз, какой-то план он всё-таки подготовил. – Слушай. Когда вчера Ольга зачитала эту московскую телеграмму, у меня сразу в голове что-то щёлкнуло...

– Может, это сосуд какой лопнул от водки, – предположил Александр.

Подковырка осталась незамеченной. Евгений продолжал:

– Я сопоставил Ольгин рассказ о «Розе мира» и эту телеграмму из Москвы, и понял: они хотят найти здесь черновики Даниила Андреева.

– Даже, если это и не бред, нам-то, что с того?

– Эх, Саня, Саня, не узнаю тебя. Что могло затуманить эту почти светлую почти голову? – сочувственно скривился Евгений и объяснил: – Да мы первыми должны найти эти бумаги. Сам посуди: если в дело лезет Москва, это дело пахнет большими деньгами. Уж поверь мне. У них на такие дела: безошибочный нюх, наглая морда и загребушие ручонки.

– А что же мы с собой не взяли ничего: ни наручники, ни ножи, ни отмычки, – Александр огорчённо всплеснул руками. – Ну, утюг-то у неё, хотя бы найдётся? А то, как же мы из неё будем рукописи вытягивать? Или что? Ты предлагаешь банальную кражу? Фу-у, как неинтересно.

– Слушай, мой недалёкий друг, – снисходительно продолжил Евгений. – Мы представляем тебя Ольге, как внука Даниила Андреева. Согласись, что ты, как внук писателя, побольше прав имеешь на эти бумаги, чем эти московские просветители. Скажешь, что приехал исполнить последнюю волю дедушки – собрать весь архив.

– А был ли мальчик? – Александр всегда начинал нервничать, когда сталкивался с фантазиями Евгения, не основан-

ными, как правило, ни на чём реальном. – А может ли существовать такой внук на самом деле? А существуют ли такие бумаги на самом деле? И почему ты решил, что их интересует именно «Роза мира»? Ручаюсь тебе, это не самая востребованная сегодняшним обществом книга.

– А как тебе то, что дед хотел разыскать писательскую вдову? Наверное, не просто так? Не просто чаю попить, – Евгений не сдавался. И знаете, он со своим стремлением упростить любую ситуацию, к величайшему удивлению Александра, нередко оказывался прав. – Я не понимаю, что здесь сложного? Зашёл. Поздоровался. Представился внуком. Спросил про бумаги. И всё.

– И всё? Так просто? А она что, до такой степени дура, что сразу всё нам возьмёт и выложит? И ни о чём не спросит ни разу?

– Нет, совсем не дура, и очень недурна. Ну, а если чего и спросит, то отвечай общими фразами. Мне тебя учить, что ли? Представь, мысленно, что ты американский конгрессмен на пресс-конференции: размазывай ответы, как кашу по тарелке, и всё. Эх, – вздохнул Евгений, – жалко мне уже нельзя «внуком» назваться. Я бы не менжевался, как ты. Я бы всё влёт провернул. Ну, что она может спросить? Задавай любой вопрос. Я тебе покажу высший пилотаж находчивости и чудеса изворотливости. Ну, давай, спрашивай.

– Да иди ты, – отмахнулся Александр.

– Я серьёзно, – Евгений подтолкнул Александра. – Спра-

шивай. Мы, старые именитые мастера интриги, должны делиться своим богатым опытом с молодой, ещё неокрепшей, порослью. Смелее, мой юный друг. Вот я захожу и представляюсь внуком Даниила Андреева. Поехали.

– Хорошо, внучок, – Александр уже понял, что Евгений не отстанет. – А скажи нам, внучок, бабушку твою по имени-отчеству, как зовут?

Евгений опустил голову и стал вышагивать взад-вперёд перед Александром, выдумывая ответ. Такой прямой вопрос поставил бы в тупик даже американского конгрессмена – размазывать здесь было нечего.

– Не делай умное лицо, Женёк, не напрягайся, – успокаивал Александр. – Оставь естественное выражение лица. Алла Александровна её зовут.

– Ну, вот видишь – ты знаешь, – оживился Евгений.

– Да, я знаю. Я много чего знаю. Я знаю, например, что у Андреева с Аллой Александровной никаких детей не было. И прежде всего, я знаю точно: по твоему гениальному плану, мы сегодня же на цугундер загремим.

– А может заменить внука каким-нибудь дальним родственником? – не сдавался Евгений, но Александр даже бровью не повёл. Евгений с надеждой посмотрел на Александра. – Предложи свой план.

В это время, мимо друзей, не спеша, явно прислушиваясь к их разговору, проследовал, среднего роста, старичок. Козырёк серой кепки прикрывал его цепкие глаза, а в седых

усах и бороде пряталась лёгкая ухмылка. Друзья проводили его взглядом и, когда старичок удалился от них шагов на десять, Александр предложил:

– Отойдём в сторонку, и будем говорить потише.

Евгений и Александр сошли с дорожки и сели на сложенные стопкой старые доски. Старичок ещё пару раз обернулся и скрылся за поворотом на соседнюю улицу. «На кого-то он похож», – вдруг подумал Александр. Что-то в этом старике показалось ему знакомым. Да, он точно видел это лицо, и не раз. Из раздумий его вывел толчок плечом и запоздалая реплика Евгения:

– А я бы, тогда спросил: «А какую бабушку, по маминой или по папиной линии»?

– Проехали уже. Вариант с «внуком» снят с повестки. Прежде всего, постарайся вспомнить все детали вчерашнего вечера, – деловым тоном начал Александр, – все упоминавшиеся в разговоре имена, фамилии, даты, географические объекты.

Александр твёрдо верил, что в основе всякого дела лежит чёткий математический расчёт. Ко всякому делу он подходил как к решению одного из уравнений. И если предварительный анализ и теоретическое обоснование ему удавались блестяще то, что касается практической стороны дела, сказать этого было нельзя. Но Александру нравилась сама возможность сложить все варианты в жутко замысловатую логическую конструкцию и любоваться ею, пока сама жизнь

не опрокинет все эти многоуровневые умопостроения. Хотя, что в этом такого? Загляните в газеты, в телевизор, Интернет: все эксперты и аналитики – и финансовые, и политические – только этим всю жизнь и занимаются. А результаты их разглагольствований ничем не лучше, чем у Александра. И ничего – никто их не осуждает.

– Какие имена, какие даты, – недоумевал Евгений. – Я вчера, как только Ольгу увидел, у меня в голове одна Блоковская «Незнакомка» осталась

И медленно, пройдя меж пьяными

Всегда без спутников, одна

Дыша духами и туманами

Она садится у окна

Понимаешь, Саня? «Дыша духами и туманами». Не табаком, не перегаром. Опять же: «девичий стан, шелками схваченный». Всё предвидел Сан Саныч. Вот сколько от «Примуса» до её дома? Полчаса же, не больше. А мы с ней этот путь на три часа умудрились растянуть. Но, поскольку ты не поэт, боюсь, тебе этого не понять.

– Где нам дуракам чай пить, – согласился Александр.

– Да ты не обижайся, – примирительно продолжил Евгений, – сам знаешь, что я прав. Ты же не выносишь счастливых людей вокруг себя. Вот, даже я, – Евгений ударил Александра в плечо – даже я! начинаю тебя раздражать. Ты откуда это вывел вообще, что порядочный человек не может, да и права не имеет быть счастливым? Опять за Шопенгауэра

взялся?

Евгений угадал. Про Шопенгауэра, я имею в виду. Именно Шопенгауэра Александр читал всю неделю по вечерам, и именно его он собирался читать все выходные. Вот, кстати, ещё, чего забыл вам рассказать про друзей. Сейчас только вспомнил. Ещё об одном их различии. Евгений не признавал философию за науку, терпеть её не мог, но обожал поэзию. И скажу вам по секрету, хранители философских трудов, которые работают у нас, почти все выглядят мрачными и туманными.

Александр же, терпеть не мог поэзию, но благоговел перед философией. Он считал, что вся поэзия – это бессмысленно убитое время, как самих поэтов, так и их почитателей. Все эти «мимолётные видения», «тени на озарённом потолке» и «тропы жемчужные» только отвлекают человека в сторону иррационального (его словечко, не моё, клянусь).

Евгений, в своё время, тоже был увлечён философией. Но с каждым новым прочитанным философским трактатом росло его непонимание этого жанра. Началось с того, что Евгений задался вопросом: почему эти люди (философы), уверяющие, что кроме как познания мироустройства и человека их ничего не интересует, говорят с этим самым человеком на языке, из которого этот самый человек не понимает и половины. «Ведь если ты хочешь, чтобы тебя поняли, ты будешь стараться говорить понятно, – философствовал Евгений, – а не придумывать для любого пустяка новые термины и назва-

ния на латыни или на древнегреческом. И получается, что весь их язык годен, лишь для общения между собой. В своём желании всё на свете объяснить, изучить и классифицировать, они добрались даже до любви. А то, что изучено и структурировано, можно использовать для создания суррогатов. Вообще, лучшие философы – это классические писатели и поэты. В одной строке могут поместить то, что у иного учёного не поместится в целой книге».

– Слушай, подпевала пессимизма, почему у вас, с Шопенгауэром, всё должно быть через трагедию? – Евгений чувствовал свою правоту. – Да всё зло в мире от таких людей, у которых всё есть, просто счастливыми они быть не умеют и не хотят. Задумайся, ужаснись и покайся.

– И что же такого у меня есть? – недовольно усмехнулся Александр.

– Всё. У нас есть всё. Эта земля, эти реки, эти леса, этот воздух. Цени это. Весь мир, вся вселенная созданы для обыкновенного человеческого счастья. А тебе, почему-то, нужна драма.

– Бред, – фыркнул Александр.

– Бред? – переспросил Евгений, – Хорошо. Возьмём пример из жизни. Посмотри на своих женщин, хотя бы за последние полгода. Ну, обязательно! – женщина с трудной судьбой. Все до единой.

И здесь Евгений, конечно, прав. Такой странности в выборе женщин, я не встречал ни у кого. Я не уполномочен

рассказывать обо всех женщинах Александра но, как предложил Евгений, рассмотрим табель за последнее полугодие.

Начнём с Нового года. Это самый возмутительный случай, по оценке Евгения. Он привёл с собой Александра встретить Новогоднюю ночь в обществе четырёх миловидных работниц коммерческого банка. Мужчин было всего трое: Евгений, Александр и один прыщавый юноша, практикант из того же банка. Стол был изыскан, что и говорить – девчонки расстарались. И спрашивается: они вправе были рассчитывать на благодарность и внимание со стороны мужчин? Хотя бы три из них? Вот вы, я уверен, скажете «да». И любой нормальный человек скажет «да». И даже прыщавый юноша, как оказалось, был того же мнения. Но, что делает Александр? Он, в разгар застолья, выйдя на балкон подышать, замечает сидящую на улице у подъезда, плачущую, растрепанную девицу. И тогда, этот фрукт, никому не сказав ни слова, одевается, спускается к этой девице, и они исчезают в одному ему известном направлении. Девицу эту, как выяснилось позже, выгнал на мороз её муж, преданный поклонник горячительных напитков, в приступе Новогодней белой горячки. Все присутствующие были возмущены. Кроме прыщавого юноши. Его шансы привлечь внимание девушек, после исчезновения Александра, повысились. Надо ли вам говорить, что после этого случая, Александр, а заодно и Евгений, стали персонами нон-грата в компании миловидных работниц банка.

Другой пример: беженка из Узбекистана. Нашёл её Александр в ночном клубе, куда его еле затащил Евгений. Евгений только покрутил пальцем у виска, когда услышал, как Александр, выслушав драматическую историю девушки, предложил Катарине (так она назвалась) переночевать у него дома (Анастасия Сергеевна была как раз в отъезде). Александра даже не насторожило, что эта Катарина, бежавшая, по её словам, из Ташкента, чуть ли не в чём мать родила, проводит время в ночном клубе. Через два дня она исчезла из жизни Александра, вместе с небольшой суммой денег из карманов его брюк.

Следующая по списку – женщина в песцовой шубе, ревущая белугой, найденная Александром в полночь, сидящей посреди огромной весенней лужи.

За ней следовала подвыпившая свидетельница Иеговы. Этой, кроме тела, хотелось заполучить и душу доверчивого Александра.

Дальше шла девушка сама по себе нормальная, но у которой находилась на иждивении полоумная мамаша. Мамаша, то бегала по квартире за Александром с иконой, требуя от него покаяться и вымолить её материнское благословление, то швыряла в него той же самой иконой, призывая себе на помощь всю армию тьмы. При этом она выкрикивала всех демонов по именам, причём, так фамильярно, как, если бы была знакома с ними лично. То она грозилась перерезать себе вены на руках, чтобы смыть кровью грехи человечества,

то вдруг находила, что кровь Александра подойдёт для этой благой цели ничуть не хуже её собственной.

После этой нескучной семейки, была молодая вдова, которую Александр увёл прямо с поминок. Вообще, Александр, в приступе жалости, мог вытворять необъяснимые поступки.

Ну, и последний по времени персонаж: девушка после аварии с аппаратом Илизарова на ноге. А если приводить статистику за прошлый год – там есть примеры ещё удивительней.

– Ну, к чему все эти жертвы? – вопрошал Евгений. – Тебе нормальных мало? Извращенец.

– А вот этого тебе не понять, – обиделся Александр, – а я, так уж, извините, воспитан. Я всё понимаю, времена теперь не те, но я привычек своих не меняю. Так уж приучен – подставлять своё плечо, когда женщине трудно и только после этого разбираться в её качествах. И это я тебе не для красного словца говорю.

– Действительно, не понимаю, рыцарь. Ты, видать, не в ладах с анатомией. Та штука, на которую эти несчастные женщины опираются, а вернее бы сказать, в которую они упираются, разве плечом называется? А-а, понял: ты подставляешь им плечо, а уж это они сами промахиваются, соскальзывают и хватаются за что им удобней. Так?

– Очень смешно, – прошипел Александр. А сам вдруг увидел, что Евгений в чём-то прав. Он никогда не задумывался, как его отношения с его женщинами выглядят со стороны. И

вот, подмеченная Евгением тенденция давала повод для проведения серьёзного анализа. Как-то выходило, что как только опекаемые им женщины становились весёлыми и беззаботными, Александр терял к ним интерес; они были дороги ему только в минуты своих несчастий.

– Да я за тебя боюсь, – Евгений обнял Александра. – Привыкнешь к своим неадекваткам, а встретится тебе вдруг женщина умная, симпатичная, добрая, но, на её беду, без жизненных неурядиц и без физических недостатков, так вот ты, как мне кажется, и женщину-то в ней не увидишь. Пройдёшь мимо. В лучшем случае, как вариант: сам её сначала до слёз доведёшь. Ну да, доведёшь до слёз, до обморока, до истерики и только тогда – на тебе, дорогая, плечо.

– А ты не вспомнишь, зачем мы сюда пришли? Неужели меня обсуждать мы сюда припёрлись? – оттолкнул Александр Евгения. – К делу, родной.

– Хорошо, – с готовностью отозвался Евгений. – Дело, я считаю, самое выгодное, и нами почти выигранное. Саня, мы с тобой сейчас стоим на пороге Новой эры. Мы, наконец-то, вырвемся из круга наших невезений. Я это чувствую. Это я и назвал «Великий космический прорыв». Мы будем пить – чего захотим, а не на что денег хватило, кушать – чего нравится, ходить – куда вздумается и заниматься – к чему душа лежит. Нечего кривиться, так оно всё и будет.

Александр не отвечал. Евгений решил озвучить ещё один существенный аргумент:

– Ну, хотя бы, долги отдадим, и то немало. Главное – действовать решительно и непринуждённо. Заходим, говорим, что ты внук Даниила Андреева, получаем бумаги, и всё.

– И всё?

– И всё.

– Так просто?

– Так просто. Да пойми, Саня, нам главное эти бумаги за-получить вперёд Москвы. А то Ольга, этой московской выжиге, всё задаром выложит. Она, мне кажется, такая доверчивая.

– Это точно, – согласился Александр, – судя по тому, что познакомилась с тобой, даже излишне доверчивая.

– Нам только время выиграть, а потом уж и Ольге всё объясним. Теперь я за неё отвечаю, – Евгений закинул руки за голову и расплылся в самодовольной улыбке. – А дальше сам понимаешь: Лондон, аукцион, фунты стерлингов, кругосветный лайнер, я с Ольгой... ну, и тебе какую-нибудь одноглазую хромоножку подыщем, чтобы тебе было кого жалеть.

– А не проще так: женись на ней, – предложил Александр, – и без спешки, без криминала начинайте семейный бизнес – торговлю литературным архивом.

– Вот ты свинтус, – возмутился Евгений. – Как у тебя язык в голове повернулся такое подумать. Думаешь, я деньги почувял и о друге могу забыть? Да мне рожу твою кислую уже видеть невыносимо.

– Не смотри.

– Приходится! Дай, думаю, помогу этому подонку, может, хоть деньги его развеселят.

– Вряд ли, – признался Александр, улыбнулся и примирительно ткнул Евгения своим плечом.

Кноннкештоль

«Кноннкештоль» – именно этим словом встречал Николай Иванович Тихонов, семидесятилетний старик, всех незнакомых ему людей на своей улице. Вообще, это было не слово, а целая фраза. Означала она вопрос: «К Ноннке, что ли?». Но в произношении Николая Ивановича она выходила, как «Кноннкештоль».

Ноннка, пятидесятилетняя дебёлая тётка, торговала на этой улице левым спиртом. Раз в неделю оптовик привозил ей турецкий спирт в пятилитровых пластиковых бутылках с надписью «Очиститель», она разбавляла его водой, по настроению, и разливала эту дрянь по поллитровкам и чекушкам. Она прекрасно понимала, чем она торгует. И знала об этом не понаслышке. От регулярного потребления её продукта, её двадцатипятилетний сын и её муж умерли, один за другим, в течение полугода. Она повинилась перед ними своеобразно – поставила очень дорогие памятники на могилах. И после этого, она считала, что никто ни в чём не мог её упрекнуть. Немало мужиков, из числа её клиентов, с этой и соседних улиц, схоронили за три года, как она начала свой бизнес. Вот с ней-то и боролся Николай Иванович, спроваживая с улицы любителей «Очистителя». Кого обманом, ко-

го угрозами, кого простым убеждением. Самые преданные Ноннкины поклонники старались избегать встреч с Николаем Ивановичем, из-за его морального давления. Ноннка даже жаловалась на старика участковому, что тот чинит препятствия её предпринимательской деятельности. Участковый сделал попытку поговорить со стариком на эту скользкую тему, и сразу пожалел об этом. Николай Иванович в ответ милиционеру нашёл настолько простые и ёмкие слова, что участковый больше к этому вопросу не возвращался. И на этой улице он больше никогда не показывался. Теперь Ноннке приходилось кататься через весь город к участковому, чтобы оплачивать его покровительство.

Когда Евгений и Александр появились на его улице, Николай Иванович не решился сразу задать им свой «Кноннкештоль», уж никак они не были похожи на Ноннких клиентов. Но на всякий случай, а больше из любопытства, Николай Иванович решил понаблюдать за друзьями. Он прошёл мимо них, пытаясь что-нибудь расслышать, потом свернул на соседний проулок, потом вернулся и встал невдалеке от друзей. Когда они его заметили, он выдал свой коронный «Кноннкештоль».

Александр и Евгений переглянулись, не поняв услышанного.

– Это он по-немецки, что ли? – удивился Евгений. – Нихт ферштейн, дедушка!

– Я говорю: Ноннку ищите, за бутылкой пришли? – задал,

более развёрнутый вопрос, Николай Иванович.

– Нет, – первым сообразил Евгений, – у нас тут, скорее, научно-исследовательская экспедиция.

Старик обрадованный возможностью хоть с кем-то сегодня поговорить, подошёл ближе:

– Не надо, никогда у неё не берите. Вы же молодые, здоровые, а у Ноннки один спирт синтетический.

– Дед, примем к сведению, – пообещал Евгений. – Спасибо за предупреждение.

Николай Иванович, довольный завязавшимся разговором, подошёл ещё ближе и решил задать друзьям вопрос терзающий его, по-видимому, уже долгое время:

– Вот самогонку она раньше гнала. Что, скажешь, плохая самогонка была?

– Нет, дед, – ответил Евгений, – не помню, чтобы я такое говорил.

– Ну вот. А теперь? Сколько она, змеюка, людей отравила. Оно ей всё аукнется, вот увидите.

– Всё, дед, замётано – к гадюке мы не пойдём. – Евгений всё-таки не забыл, что пришли они сюда по делу. – Скажи-ка нам лучше, ты на этой улице всех знаешь?

Старик всем своим видом продемонстрировал такое неподдельное недоумение от услышанного вопроса. Он заглядывал друзьям прямо в глаза и улыбался, словно не понимая, всерьёз ли его об этом спрашивают. Как если бы ему вдруг задали вопрос: «Почему дважды два – четыре?». И у

старика были на то причины. Сейчас объясню.

Николай Иванович Тихонов жил на этой улице с самого её основания в 1952 году. На этой улице стоят два дома, в строительстве которых, Николай Иванович принимал активное участие. Это его собственный дом и дом Дмитрия Алексеича Амосова, которого он считал самым близким человеком.

Николай Иванович и Ольгин дед познакомились на Курском вокзале Москвы в июне 1945 года. Дмитрий Алексеич, сидел на чемодане, на перроне, и ожидал поезд до Владимира. В тот день вокзальная милиция отлавливала беспризорников. Одного такого, это был Колька Тихонов, мимо Дмитрия Алексеича вёл молодой сержант.

– Что, не хочешь в детприёмник? – спросил Дмитрий Алексеич насупившегося парнишку.

– А кому охота с волей расставаться, – пробурчал Николай и добавил, чтобы слышал, держащий его за шиворот, милиционер, – всё равно, ведь, сбегу. Как Монте-Кристо.

Дмитрий Алексеич засмеялся и обратился к милиционеру:

– Сержант, отпусти парнишку.

Просьба сержанту не понравилась, и он собирался ответить грубо, но после того, как Дмитрий Алексеич поднялся, и стали видны его награды, и сидевшие рядом на своих узлах фронтовики тоже привстали, он козырнул, отпустил Николая и удалился с перрона. Дмитрий Алексеич накормил

Николая и расспросил его о родителях и дальнейших планах Николая на жизнь. Отец и мать Николая погибли вместе в первые месяцы войны, а о других своих родственниках он ничего не знал. Дмитрий Алексеевич сам в 20-х годах потерял родителей, бродяжничал, и едва остался жив. Дмитрий Алексеевич предложил Николаю поехать с ним во Владимир. На тот момент, у Николая были другие планы на свою жизнь, но что-то заставило его довериться этому офицеру. К тому же, он медик, как и его погибшие родители. Скоро Николай понял, что эта встреча – подарок судьбы, а подарки надо ценить. Дмитрий Алексеевич стал ему и отцом, и старшим братом, и учителем, а чуть позже, даже свояком.

Во Владимире им приходилось жить, то при госпитале, то в съёмных комнатах. К учёбе в школе Николай не проявил ни малейшего интереса. Пытался убедить Дмитрия Алексеевича, что его нежелание ходить в школу, это следствие глубокой психической травмы. Дмитрий Алексеевич согласился, что лень – это действительно глубокая психическая травма. Единственно, к чему пристрастился Николай – это к чтению. Дмитрий Алексеевич сам был заядлым книголюбом, и все положенные ему наградные тратил на покупку книг.

В шестнадцать лет Николай официально начал свою трудовую деятельность в госпитале на должности медбрата. Но большую часть рабочего времени, он проводил в госпитальном гараже, увлечённо потроша внутренности различным механизмам.

В 1952 году Николай и Дмитрий Алексеевич в один день женятся на сёстрах Фогель. Дмитрий Алексеевич, а ему уже было сорок два, взял себе в жёны старшую сестру Марию. А Николаю досталась младшая Анна, его ровесница. Конечно, если честно, в женитьбе Николая, больше сыграло свою роль желание во всём подражать Дмитрию Алексеевичу, но впоследствии, жалеть о своём выборе ему не пришлось. В тот же год построили они свои дома, на выделенной им земле. Выстроились в рекордные сроки – стройкой руководили сёстры Фогель, вернее, теперь уже Мария Амосова и Анна Тихонова. Их дома стали первыми на этой улице, первыми во многих смыслах.

Теперь-то вы понимаете, почему вопрос Евгения, вызвал у Николая Ивановича такое замешательство.

– А кому ж ещё знать, как не мне, – сказал Николай Иванович. – А вы кого здесь ищете?

– Ольгу, – Евгений показал рукой в сторону дома, – Вот это, Ольгин дом?

– Какой? – спросил старик, глядя не по направлению руки Евгения, а прямо ему в глаза.

– Да вот этот, вот этот, – Евгений ещё несколько раз энергично махнул рукой в сторону дома.

– Какой Ольги? – старик продолжал смотреть на Евгений в упор.

– Молодая такая, симпатичная. Её дом?

– А фамилия-то как?

– Не помню, забыл. Родинка у неё вот здесь, – показал Евгений на своём лице.

– Учительница, что ли?

– Не знаю. – Евгений тяжело вздохнул и решил дать старику ещё одну подсказку, – волосы у неё такие, не слишком тёмные, вот до сюда.

– А-а, – дошло до старика, – так тебе, может Ольгу надо?

– А я как сказал?

– Ольга, учительница. Волосы у неё с родинкой, точно, – вспомнил дедушка. – Так она дальше живёт, на соседней улице, через два прогона. Точно тебе говорю, к бабкам не ходи.

Как ни убедителен был дедушка, а Евгений сомневался:

– Да нет, быть не может, – и тут он замечает, выходящую из соседнего двора высокую пожилую женщину. – А вот мы сейчас у бабушки и спросим.

Но вперёд Евгения к бабушке двинулся старик:

– Смотри тут чего, Анюта. Ребятишки учительницу с волосами искали, да улицей промахнулись, – при этом старик, стараясь, чтобы не заметили друзья, руками и лицом подавал бабушке какие-то знаки.

Бабушка спокойно прошла мимо старика, не реагируя на его тайные предупреждения, словно он, до этого, только так и общался с ней. Она взглянула на друзей и повернулась к старику:

– Что ты всех баламутнишь всегда. Вот он, – она показала

на Евгения, – Олюшку нашу вчера провожал.

– Точно, – пришёл в себя Евгений. – Это же вы вчера мне в глаза слепили, когда телеграмму принесли. Тётя Аня. Я вас по голосу, по акценту узнал. Всё, точно этот дом, – радостно сообщил он этот очевидный факт Александру, и взгляд его переместился на старика. – А ведь ты, дедушка, нас отсюда явно сплавить хотел. Зачем?

Старик не считал это проступком:

– А вдруг вы бандиты какие, домушники? Посуди сам: дом не знаю, фамилию не помню – чего пришли? Подозрительно.

– Мы просто в гости пришли, – признался Евгений. – По-знакомиться.

– Здравсьте-пожалуйста! Да как же это по вам поймёшь, что вы в гости пришли? – усмехнулся дедушка. – Ну, цветы, ну, конфеты – это я ещё допускаю, что это излишество. Но за знакомство вы чай будете пить что ли?

Поняв, куда ведёт цепь незамысловатых дедушкиных рассуждений, бабушка остановила его:

– Ну, Николай-искушатель, всё ты всегда к бутылке приведёшь.

– Да кто ещё молодёжи подскажет, как по-правильному, Анята? Я же не для себя стараюсь.

– Действительно, – согласилась бабушка, – кто ещё молодёжь такому научит, кроме тебя? Не знаю таких людей.

Александр, как вы заметили, в разговор не вступал. Он во-

обще все разговоры, кроме как о литературе, о философии и о науке, ну, ещё немного о политике, считал пустыми. Разговаривать с ним на бытовые и повседневные темы было невозможно. Более пяти минут он не выдерживал и внутренне начинал психовать. Он искренне не понимал, как можно толковать о мелочах. Сам-то он всегда был занят обдумыванием задач вселенского значения и заниматься вопросами обывательского направления, он считал ниже своего достоинства. С такой мамой, как Анастасия Сергеевна, это было возможно. Всю хозяйственную деятельность, от закупки продуктов до ремонта квартиры, она вела одна, без участия сына.

Александр, с трудом сдерживая своё раздражение, решил поскорее поставить точку в беседе с назойливым стариком:

– Мы, дедушка, ещё не знаем, что она пьёт и в каком количестве. Вот сначала узнаем, а потом уж и сбегает. А может, и не один раз.

Но добился Александр не финала беседы, а скорее, перехода разговора на новую стадию – конфликтную. Дядя Коля повернулся к Александру, развернул в его сторону собиравшуюся уже уходить тётю Аню и спросил её:

– Ты слыхала, Анята, что он нам тут проскрипел? – Дядя Коля посмотрел на Александра с такой неприязнью, как если бы узнал в нём самого Чубайса. – Да ты что же думаешь, что наша Олюшка такая же, как все ваши вертихвостки расфуфыренные?

Дядя Коля не мог не возмутиться такому предположению,

которое сам, собственно говоря, только что и выдумал. Дядя Коля считал, что он очень хорошо знает современную молодёжь. Наблюдение за молодёжью было у дяди Коли одним из любимых занятий. И портрет молодого поколения вырисовывался у дяди Коли не особо привлекательным. Главным раздражителем, для дяди Коли, было то обстоятельство, что молодые люди старались выглядеть интересными и содержательными, а не быть такими. Своими наблюдениями он всегда делился с тётёй Аней.

– Анюта! – кричал он с улицы, когда, например, мимо их дома проходила девчонка с разноцветным ирокезом на голове, – ты бы смогла себе из волос такой же ёршик сделать?

Или, как-то раз, встретив у магазина компанию подростков утыканных пирсингом, он прибежал в огород, рассказал об увиденном тётё Ане и поинтересовался:

– Анюта.

– Ну? – оторвалась от прополки тётя Аня.

– Ты за всю жизнь, хоть один пупок себе проколола?

Продолжить разговор дядя Коля решил не с Александром, а с Евгением:

– Ну и друг у тебя. Вот сморозил – так сморозил. «Что она пьёт». Да нет, ребятки, наша Олюшка не из таких. Она у нас и знать не знает, чтобы во хмелю обезьянить, – решительно заявил дядя Коля, и неожиданно прибавил, – взяли бы уж водки, да и всё.

Тётя Аня покачала головой: «Ну, Николай-вымогатель».

– Дядя Коля, а что у нас тут за собрание? – Друзья обернулись на голос. Это была Ольга. – Опять выборы?

– Забирай, Олюшка, своих женихов, – посоветовала тётя Аня, – А то мой их совсем заболтал. Ты же его знаешь.

– Это я заболтал? – возмутился дядя Коля, – Да ты бы, Олюшка, послушала, что они нам здесь наплели. – Он показал на Александра. – Этот вот, особенно.

Дядя Коля хотел ещё чего-нибудь прибавить, но тётя Аня, взяв супруга под локоток, повела его в сторону их дома.

Ольга прошла во двор. Открыла дверь дома, зашла и выглянула опять:

– Вы идёте, женихи?

– Ну что же, теперь придётся действовать по моему плану, – осторожно предположил Евгений.

– Да иди ты, со своим планом, – ответил Александр.

Друзья прошли в дом.

Планы меняются

Евгений и Александр зашли в большую комнату. Окна, в ней, были открыты на улицу. Обстановка в доме была необычной. Если бы не современная бытовая техника, которую привозила из Германии мать Ольги, можно было бы подумать, что попал в другую историческую эпоху. А присмотревшись, можно было догадаться, что многое в доме было сделано своими руками. Но всё это не производило впечатления какой-нибудь отсталости или невзыскательности, а, скорее, наоборот – самобытной надёжности.

Из боковой двери вышла Ольга. Она успела переодеться. Евгения, как мы помним, она привлекла своей улыбкой. И теперь, этой же самой улыбкой она насторожила Александра. По мнению Александра, если человек улыбается, если человеку весело, у него, для этого, должна быть, как минимум, серьёзная причина. Американскую улыбку Александр в расчёт не принимал потому, что считал её, чем-то, вроде, составной части макияжа. На дурочку, которой любая влага кажется божьей росой, Ольга не была похожа. Значит, рассуждал Александр, она, или считает себя высшим созданием, или чего-то недоговаривает друзьям, или знает о них больше, чем им хотелось бы. И в разговоре, и в движениях Ольги, Александру виделась чрезмерная лёгкость, просто на грани легкомыслия. То ли дело у Александра была одна, Ленка. Так вот, эта Ленка даже посуду мыла с лицом Марии-Антуанетты на эшафоте, с глубокими вздохами и закатыванием глаз. Казалось, что она вот-вот грохнется в обморок. Фантастическая женщина. Ни тени легкомыслия, только думы о вечном. Во всяком случае, складывалось такое впечатление.

– Проходите, садитесь, где понравится, – предложила Ольга.

Александр сразу выбрал диван, который стоял между открытыми окнами. А Евгений подошёл к Ольге и попытался её обнять.

– Весь день ждал этой минуты.

Ольга увернулась от объятий и спросила:

– Ты может, познакомишь нас, с твоим другом?

– А, ну да, – спохватился Евгений. – Представляешь, как тебя увидел, всё из головы вылетело.

– И много там было? – спросила Ольга.

– Прилично.

– Ну, хоть что-нибудь, осталось? – поинтересовалась Ольга. – Меня Оля зовут, хочу напомнить.

Евгений весь преобразился в чопорного манерного аристократа. Он чинно подошёл к дивану, на котором сидел Александр и сел рядом. Заговорил он с Ольгой строгим официальным тоном:

– Позвольте мне, Оля, представить Вам этого человека. Это Александр. И знаете, Оля, что самое интересное? Он появился здесь неслучайно. Как выяснилось, он очень близкий родственник...

Рассказ Евгения прервал вовремя подоспевший удар локтем ему под рёбра. Это был надёжный локоть друга. После удара Евгений всё-таки вспомнил, что его план с «родственником писателя» Александр забраковал.

– Забыл. Нет, никому он, конечно, не родственник никакой. Это для меня он, я хотел сказать, больше, чем родственник. Просто этот человек так же, как и я, не лишён таланта и обаяния. Если, конечно, долго и пристально к нему приглядываться. А самая яркая его черта – это отзывчивость. Никогда, я уверен в этом, никогда он не пройдёт мимо человека попавшего в беду. Конечно, при условии, что это женщина...

– ещё один дружеский удар под рёбра, – и, желательно, лет так от двадцати до тридцати... – локоть Александра опять отметился своим кратковременным присутствием в области печени Евгения.

Евгений перепрыгнул в кресло, рядом с диваном, и продолжил:

– Заклинаю тебя, Оля, даже виду при нём не показывай, что можешь быть чем-то расстроена, не говорю уж – заплакать при нём. Накинется и уведёт тебя, из жалости, только тебя и видели. Обещай мне.

– Если ты обещаешь мне, меня до этого не доводить.

– Я? Да никогда! – заверил Евгений. – Я буду кружить вокруг тебя, как возле чудесного цветка.

– И жужжать, – слегка раздражённо предположил Александр.

– Нет, я буду порхать, как мотылёк, легко-легко, – несколько не смутился Евгений.

– Мотылёк килограммов под девяносто? – это интересно, – заметил Александр. Он уже не мог скрыть свою нервозность.

– Пойду я, пожалуй, на кухню, – решила Ольга.

Как только Ольга вышла из комнаты, Евгений перепрыгнул из кресла на диван, и спросил:

– Ты чего?

– Ничего. Я сюда не танец маленьких мотыльков пришёл посмотреть, – пробурчал Александр. – Или мы занимаемся

делом, которое ты же и предложил, или я иду домой.

– Зачем так сразу? – Евгений попытался успокоить Александра. – Это всего лишь артподготовка. И не забывай, что всей операцией руководишь ты. Командуй, веди в атаку. Желательно, конечно, без кровопролития. Говори, что мне делать.

– Кривляться поменьше, – кажется Александр начинал успокаиваться.

– Всё, договорились, – кивнул Евгений. Поняв, что Александр уже не такой сердитый, он осторожно поинтересовался: – Слушай, а как она тебе показалась? Согласись, чувствуется, что не из разряда одноклеточных. Да и внешне, опять же. Правда?

– Ну, внешне, Оксанка, – Александр, растопыренными пальцами, изобразил две объёмные полусферы на уровне груди, – поэффектней её будет. А оценивать её умственные способности – нет материала. Ты же слова не даёшь никому сказать.

– Всё, понял. Теперь я буду, как глухонемая рыба.

Александр смерил Евгения взглядом, воображая, как бы тот выглядел в рыбьем обличии, и сказал:

– Расслабься, у тебя ещё будет возможность изобразить это чудо природы. Я вас оставлю ненадолго.

– Ты куда?

– За катализатором.

– За чем?

– За ускорителем процесса. Прав бабушка – без водки не обойтись. – Александр хлопнул Евгения по спине. – А пока я хожу, ты должен составить полное досье на неё.

– Как это? – Евгений перестал улыбаться.

– Слушай и запоминай. Диктую по пунктам: фамилия, имя, отчество, ближайшие родственники, есть ли родственники за границей, где училась, где работает, вес, рост, любимая книга, любимый фильм, любимая музыка, где была во время путча, в августе 91-го года и умеет ли шевелить ушами.

Евгений, с самым серьёзным лицом, внимательно слушал, и при перечислении Александром пунктов предстоящего опроса, загибал пальцы. После десятого пункта, он начал пальцы разгибать. Всего вышло четырнадцать вопросов. Евгений продемонстрировал Александру правую руку с загнутым мизинцем. Александр посчитал нужным найти и для мизинца ещё одно задание:

– Ну, ещё: знает ли она матросский танец «Яблочко».

Александр поднялся и направился к выходу. Из кухни показалась Ольга. Она подошла к большому столу и спросила:

– Женя, ты мне поможешь стол переставить?

– Легко, – Евгений подлетел к столу, оттеснив при этом Ольгу. – Отойди, я сам. Куда ставить? – Ольга показала. Евгений переставил стол к дивану и спросил: – Оль, а ты умеешь «Яблочко» танцевать?

– Да, конечно, – созналась Ольга. – Тельняшку одевать?

– Я просто поинтересовался, – объяснил Евгений.

– И я поинтересуюсь, куда это вдруг Александр собрался?

– Я ненадолго исчезну, – буркнул Александр и выскочил за дверь.

– Ну-ка, признавайся, куда это он? – повернулась Ольга к Евгению.

– Не могу тебе сказать, не имею права. Это же не мой секрет, – и Евгений всем своим видом дал понять, что ему можно доверить любую тайну. Вдруг он встрепенулся, подбежал к открытому окну и крикнул вслед уходящему Александру: – Саня, ты уж только не к Ноннке.

Ольга рассмеялась такой конспирации:

– Могли бы и не бегать никуда. У меня есть настойка дедушкина. Это медицинский спирт, минеральная вода и куча разных трав и ягод.

– Она ещё пригодится, – Евгений подошёл к Ольге. – Я и так в nirване, как тебя увидел, а вот Саньке расслабительное не повредит. Кстати, как он тебе? Согласись, сразу понятно, что человек не из разряда примитивов. Чувствуется интеллект, порода.

– Извини, но по двум фразам, что он еле выговорил, трудно судить об интеллекте, – Ольга отступала от надвигающегося Евгения и остановилась у стены. – Вот, если бы он сказал, хотя бы десятую часть того, что ты...

– Да вы сговорились, что ли, – удивился Евгений. – Вас послушать: я просто, за всё время, слова никому не даю ска-

зять, – он взял Ольгу за руку. – Можно подумать, что я всё время сам задаю вопросы и сам же на них отвечаю. – Евгений обхватил Ольгу за талию и притянул к себе. – Что, скажешь так? Ну, может и так.

– Не только, – строго, но не зло сказала она. – Ещё и руки распускаешь. Я, может, давала разрешение или повод?

– А как же. Эти глаза, этот голос, эти руки, да всё в тебе – это и есть самый серьёзный повод, – оправдывался Евгений. – Тут уже не только руки распусят, а и душа, и сердце, и мысли, и... Что там ещё есть? Нет, вы видали – она смеётся. Значит, ты мне не веришь?

Евгений решил поцеловать Ольгу и собирался духом. Вдруг:

– Олюшка! – в открытом окне возникло лицо дяди Коли.

Ольга вздрогнула, выскользнула из объятий Евгения и подошла к окну:

– Напугал, дядя Коля.

– Напугал или спугнул? – хихикнул старик и поставил на подоконник плетеную корзинку. – На вот, возьми. Закуска.

– Что здесь? – спросила Ольга.

– Огурцы, помидоры, салат, зелень. Разберётесь. Анхен прислала. Ты же её знаешь, – улыбался дядя Коля.

– Спасибо, – Ольга взяла корзинку и понесла на кухню.

– А друг-то твой куда убежал? – спросил дядя Коля Евгения.

– За этим, – Евгений сделал щелчок по горлу, – как ты

учил.

– Не к Ноннке, надеюсь? – спросил дядя Коля.

– Нет, что ты. В магазин, конечно.

– Разумно, – одобрил дядя Коля.

– Дядя Коль, заходи, чайку попьём, – выглянула из кухни

Ольга.

– Чай-то? – дядя Коля подмигнул Евгению и загадочно усмехнулся. – Да нет, я лучше попозже зайду, – и исчез в окне.

– Какие у тебя соседи заботливые, – заметил Евгений, – то продукты несут, как сегодня, то телеграмму, как вчера. А кстати, что это за цаца к тебе в воскресенье приезжает?

Ольга вышла из кухни:

– Не в воскресенье, а уже сегодня. Два часа тому назад, она уже выехала из Москвы.

– Зачем? – насторожился Евгений. – Откуда знаешь?

– Я ей звонила. И она попросилась приехать не в воскресенье, а прямо сейчас. Зовут Татьяна Владимировна.

Евгения эта новость привела в кратковременное замешательство. Что эта столичная штучка приедет сегодня, он никак не рассчитывал. Век бы её не видеть. Вся затея Евгения рассыпалась. Мало того, что Александр забраковал его план с лжевнуком, так теперь ещё эта профессорша прётся на два дня раньше. И значит, времени не остаётся совсем. Всё это только подтверждало теорию Евгения о наглости и вредности Москвы, как явления, и самих москвичей, как носите-

лей этого тлетворного феномена.

Рассуждения Евгения, как обыкновенно бывало у него при упоминании Москвы, незаметно перескочили на исторические параллели. Вот, скажем, Владимир тоже был когда-то столицей, но никогда владимирцы так себя не вели. Евгений читал не так много летописей, но ни в одной он не встречал таких примеров. Не совали свой нос в чужие дела, не хватили, где что плохо, а тем более, хорошо лежит. Где Владимирская икона Богоматери, возмущался Евгений, где Троица Рублёва, где мощи Александра Невского? Всё прихватила Москва. В истории с Александром Невским, Москва была, разумеется, не причём, но Евгения это не смущало. К тому же, Евгений хорошо помнил слова Александра; они иногда спорили на исторические темы. Александр утверждал, что история Владимира, как столицы, была тщательно подчищена, особенно при Петре Первом. Но даже будучи столицей, Владимир не считал себя пупом земли Русской. А эта Москва? Вода там что ли, какая-то не такая? И вообще – экология, реагенты...

– Зовут Татьяна Владимировна, – задумчиво протянул Евгений. И хотя, внутри его всё начинало клокотать и возмущаться, тональность разговора с Ольгой он решил выбрать назидательную. – И это всё, что ты о ней знаешь? Ты меня просто удивляешь, Оля! Это же верх беспечности – пускать в дом неизвестно кого, неизвестно откуда и неизвестно зачем.

– Ты сейчас о ком говорил? – посмотрела на него Ольга.

– Ну, не о себе же, – Евгений забурлил. – Ой, не верю я этим москвичам. Вся дрянь к нам из Москвы лезет. В себя она впитывает самое ценное, а из неё кроме отрыжки, – потому, что зажрались, – ничего не выходит.

– Это уже глупости.

– Глупости? Оля, ты просто не знаешь, какая там жизнь, что она с людьми делает. У них же всё ради наживы и тщеславия. Змею оближут, – выпалил Евгений свои, прямо скажем, кислые аргументы, которые, понятно, не возымели на Ольгу ожидаемого действия. Она так же улыбалась.

– Нет, ты мне скажи, чего этой тётке здесь понадобилось? – не унимался Евгений.

– Скоро узнаешь, любопытный, – смеялась Ольга.

– Опять смеёшься, – сделал замечание Евгений. – Нет, тебя, решительно, надо показать моей маме. А то ведь она считает, что несерьёзнее меня и на свете нету. Посмотрит мама на тебя и больше так считать не будет. Да на твоём фоне, я буду выглядеть, как эталон серьёзности и благоразумия. Да не смейся ты, я серьёзно говорю.

Эта заразительная Ольгина весёлость обезоруживала Евгения. Он никак не мог сосредоточиться на деле. У него даже мелькнула мысль рассказать Ольге всё. Про его предположения о черновиках «Розы мира», про его план с мнимым внуком, об аукционе, океанском лайнере, и даже, об одноглазой хромоножке для Саньки. А как она примет такие признания? Может, посмеётся, как обычно, а может и нет. Он

решил предложить Ольге такой вариант:

– Я думаю, переговоры с этой московской профессоршей придётся вести мне.

– А ты считаешь, должны быть какие-то переговоры? – заинтересовалась Ольга.

– А ты думаешь, ей всё за просто так отдать? – спросил Евгений.

– Во-первых: я не знаю, что этой Татьяне Владимировне нужно. Во-вторых: если, вдруг, то, что ей нужно, находится у меня, но принадлежит не мне, я отдам это безо всяких условий, – спокойно сообщила Ольга.

Можете считать это совпадением, но Ольга думала о том же, что и Евгений. Что интересуют Татьяну Владимировну рукописи Даниила Андреева. Она знала, что вчерашний её рассказ о дедушке и «Розе мира» и телеграмма из Москвы неслучайны. Ольга умела видеть подсказки Небес.

– Вот те раз. Ну, ты даёшь. Тут московская кубышка сама в руки катится. Как её не потрясти? Нечего с ними церемониться.

– Женя, – Ольга стала серьёзной. Кажется, предложение Евгения не понравилось ей, и даже расстроило, – пожалуйста, не будем об этом.

– Ладно, раз ты такая бессребреница, – Евгений странно улыбнулся.

Конечно, все его сегодняшние планы, один за другим, рушились в прах. Но Евгений только обрадовался этому. Хоро-

шо, что не пришлось идти на обман с псевдовнуком. Спасибо за это Александру. Хорошо, что Ольга оказалась не такой прагматической, и слышать не хочет о переговорах с профессоршей. Хорошо, что теперь он снова мог быть самим собой. Таким же, в общем-то, бессребреником, как и Ольга. Он же сам терпеть не мог людей, которые во всём ищут только выгоду, весь этот тошнотворный мир деляг, их ущербный язык, их убогую сущность. Непонятно, как это ему самому вдруг попала эта предпринимательская вожжа под хвост? Но я вам могу объяснить. Основной целью в запланированной Евгением авантюре, были не деньги. Главными, в захватившей Евгения комбинации, были две причины. Первая: то, что это было какое-никакое приключение. А вторым шло то обстоятельство, что любое вмешательство Москвы, считал Евгений, всегда основано на обмане. А он был убеждён, что чтобы предотвратить корыстный обман, можно пойти на бескорыстный обман.

Евгений подошёл к портрету на стене. На фотографии был Ольгин дед. Это Евгений определил по характерной улыбке.

– А дед твой, кажется, такой же весельчак был, как и ты.

– Может, это я, как и он? – Ольга опять, слава Богу, улыбалась. – Он мне всегда говорил, что Бог создал наш мир совершенным, и всё, что нужно человеку для счастья – дал каждому. И значит уныние – это неблагодарность Богу.

– Слушай, да это же почти моя мысль, – удивился Евгений, припоминая сегодняшний разговор с Александром. – А

ты сама, тоже так считаешь?

– Да. – Ольга достала скатерть. – Помоги мне стол накрыть.

– Легко, – согласился Евгений.

Ольга очень удивилась тому, с каким энтузиазмом взялся Евгений за сервировку стола. А секрет был прост. Любое дело, за которое Евгений брался впервые, увлекало его с головы до ног. Но была и обратная сторона: заставить его делать то, что он уже пробовал, и ему это не понравилось, было невозможно. Он имел наглость считать, что всякий труд должен приносить удовольствие.

В дверь постучал и сразу вошёл Александр. В руках он держал два пакета.

– Не помешал? – спросил он.

– Нет, как раз вовремя, – обрадовался Евгений. Он подошёл к Александру, принял из его рук пакеты и начал изучать их содержимое. – О! Да ты и шампанское взял. Молодчина. Оля, мы теперь с шампанским! Пиво? – отлично. А это что? А, это водка. Ну, водка – это понятно. Надо бы Оля всю эту красоту в холодильник поставить.

Евгений с пакетами прошёл за Ольгой на кухню. Александр сел на диван. Он с грустью вспоминал свой диван, где бы он мог читать Шопенгауэра, вот уже как два часа. Если бы не Евгений с его новой аферой.

Из кухни вынырнул Евгений. Он подсел к Александру и выдержав подозрительную паузу заговорил:

– Какой ты всё-таки молодец, что отверг мой никчёмный, просто никуда не годный план с внуком. Я просто ещё раз убедился, что ты мудёр не по годам.

– Всё понятно, – догадался Александр, – уже опять чего-нибудь изменилось.

– Почему сразу «изменилось»? – вспыхнул, и тут же остыл Евгений. – Да, изменилось. Баба сейчас из Москвы приедет.

– Ты же говорил в воскресенье.

– Говорил. А то ты не знаешь этих москвичей, – оправдывался Евгений, – как у них свербит во всех местах, при упоминании денег. Да у этой тётки уже зуд, небось, по всему телу, как бы её не опередили.

Александр молчал. Евгений не мог понять, как Александр отнёсся к этой новости, и он осторожно поинтересовался:

– Нет, ты может, считаешь это справедливо, когда какая-то крыса из Москвы – р-раз: «А нет ли здесь чего, чем бы мне поживиться?»

– Ну а сам-то ты, разве не того же хочешь? – желчно поинтересовался Александр.

– Нет, – серьёзно ответил Евгений. Он встал и пошёл на кухню. – Теперь – точно нет.

– А-а, вон уже как, – пробормотал Александр.

Ну, что же, это хорошо, что Евгений скрылся на кухне. Этим он избавил Александра от необходимости задать ему интеллектуальную трёпку, для профилактики, за его чрезвычайную переменчивость. Но я могу засвидетельствовать, что

сам Александр вздохнул с облегчением от такого поворота. Ведь ему с самого начала эта идея не понравилась. Согласитесь, в этой комбинации с черновиками «Розы мира», предложенной Евгением, было что-то неестественное. Ну, не бывает таких совпадений. И потом, эта его неподготовленность, без плана. Да он Александра-то посвятил в свои намерения в самую последнюю минуту. И как бы они могли выглядеть, если бы разыграли перед Ольгой целую комедию с внуком, а московскую профессоршу интересуется совсем другое. Это был бы хороший урок для самонадеянного Евгения. Но если ещё минуту назад Александр был готов при первой возможности сбежать домой, то теперь он сам заинтересовался, чем закончится этот вечер. Как ни крути, а один шанс из тысячи, что Евгений окажется прав, всё же оставался. К тому же, здесь ожидалось появление московской профессорши. Для Александра это была хорошая возможность для научной дискуссии. Евгений по вопросам науки был слабоват, как оппонент.

В ожидании крысы

«Купил?» – неожиданно раздалось за спиной Александра. Александр вздрогнул и повернулся к окну. В окне он увидел дядю Колю, который добродушно улыбался. Какое знакомое лицо. Где же он видел его раньше?

– Ну, дед, – вырвалось у Александра, и с плохо скрываемым раздражением он ответил: – Купил. И не одну. И не у Ноннки. Всё?

– Ладно, зайду по-соседски, уговорил, – и через десять секунд старик уже сидел в кресле, рядом с диваном, слева от Александра.

Александр сразу бросилось в глаза, что в этом доме дядя Коля чувствует себя, как в своём собственном. Старик повернулся к Александру и участливо спросил:

– А ты чего, вроде, как злой?

– С чего вы взяли, что я злой? – с расстановкой, как можно спокойнее, спросил Александр.

Александр не злился на старика. Просто он показывал своим видом, что в лице дяди Коли он не находит достойного собеседника и хотел бы избежать бессодержательных разговоров.

– Вижу.

– А, вот как, – уже с лёгким раздражением продолжил Александр, неприятную ему, беседу. – Да вы у нас дедушка просто рентген.

– Точно, рентген, – охотно согласился дед. – Я же не просто так в медицине тружусь с четырнадцати годков.

– Со скольких? – криво усмехнувшись, решил уточнить Александр.

– Ты ещё и глухой что ли? – сочувственно поинтересовался дядя Коля и заговорил громче: – С пятнадцати. С пятнадцати годов, между прочим. Вот так.

Поймите, сначала дядя Коля хотел сказать, как всё было на самом деле, что и лет ему было шестнадцать, и занимался

он не совсем медициною. Но у него просто как-то само собой это вылетело, без подготовки, непроизвольно. Ну, не назад же забирать. Ладно уж, не будем уподобляться Александру, и придирайтесь к старику, как сказал, так и сказал.

– А-а, – протянул Александр, – припоминаю. Читал даже статью о вас в «Медицинском вестнике». «Юный эскулап» называлась. Как уж там писали? Погодите, сейчас вспомню. «Маленький мальчик, двенадцати лет, дядя Коля, видит людей насквозь и мановением руки сводит бородавки с правой стороны на левую, и обратно».

– Опять злишься, – дружески засмеялся дядя Коля. – А зачем?

– А вы, зачем мне тут сочиняете: «с пятнадцати годков в медицине», – ответил Александр. – Ну, как подопытный, разве что.

– Сам ты подопытный, – нахмурился дядя Коля.

Как и большинство людей, дядю Колю всегда до глубины души возмущало, когда ему не верили, причём именно в те моменты, когда он врал.

Из кухни вышли Ольга и Евгений. Ольга несла поднос с закусками на тарелках, а Евгений держал в руках бутылку водки и графин с соком или компотом. Ольга заметила вспышку негодования старика.

– Что случилось, дядя Коль? – спросила она, расставляя тарелки на столе.

Дядя Коля только громко сопел и ерошил остатки волос

на давно начавшей лысеть голове, как будто, только что он был свидетелем какого-то чудовищного события. Объяснил Ольге эту картину Александр:

– Это он обиделся, когда я засомневался, что он с пятидесяти годков в медицине, как он выразился.

Ольга поджала губки, чтобы сдержать улыбку, и подтвердила:

– Да, дядя Коля с 45-го года в госпитале служил, вместе с дедушкой.

Дядя Коля перестал сопеть, выпрямился и победоносно, даже несколько высокомерно, взглянул на Александра.

– Да ты у нас герой, дед. Двигайся к столу, – пригласил его Евгений.

– Ну, скажешь тоже «герой», – дядя Коля пересел на диван слева от Александра, – а вот Олюшкин дед, – показал он на портрет, – Дмитрий Алексеевич, вот он был настоящий герой. Сколько он людей спас, сколько на ноги поставил. – Дядя Коля посмотрел на своего поверженного обидчика. – Понял ли?

– Ну, извините, – пробурчал Александр.

– «Извините». Слыхали? – ликовал дядя Коля. – Теперь извиняется.

– Дядя Коль, – только и сказала Ольга, но старик сразу же прекратил важничать и заговорил спокойно:

– Да я, дочка, ничего. Не обижаюсь.

– Мы, может, выпьем, за знакомство? – предложил Евге-

ний.

– Давай, – в один голос отозвались Александр и дядя Коля.

– Оль, ты с нами? – спросил Евгений.

– Нет, я дождусь гостей, – сказала Ольга. – Да и вы бы не торопились.

Как только Ольга скрылась за дверью кухни, Евгений наполнил три рюмки и провозгласил:

– За наше судьбоносное знакомство.

Почему Евгений решил, что оно судьбоносное, он не объяснил. Может, просто так сказал, для оборота речи. За ним водилось такое. Они выпили. Дядя Коля взглянул на Евгения, потом на Александра, потом на портрет деда на стене, и опять на Евгения.

– А что ещё за гости, Женька? – поинтересовался старик.

– Да крыса тут одна из Москвы должна появиться, – сообщил Евгений.

– Кто? – дядя Коля округлил глаза.

– Баба одна, – пояснил Евгений.

– Его, что ли? – кивнул дядя Коля в сторону Александра.

Взгляд у него стал довольно насмешливый.

– Нет, почему его? – не понял Евгений.

– Ну, ты же сказал – «крыса», – дядя Коля торжествовал.

Александр снисходительно фыркнул, показывая, что оценил дяди Колину шутку. И хотя она является для него, всего лишь, образцом примитивного юмора, но для старого чело-

века сойдёт.

– Дядя же ты Коля, – произнёс Евгений с интонацией, с которой любящие родители журят своего, слегка провинившегося отпрыска.

– Ну, всё, не буду, не буду, – пообещал старый озорник.

– Ты нам расскажи лучше, как ты в пятнадцать лет на службу попал, – предложил Евгений.

– Это вот, – показал на портрет дядя Коля, – Дмитрию Алексеевичу спасибо.

Воспроизводить рассказ дяди Коли я уж не буду. Историю его знакомства с Дмитрием Алексеевичем вы уже знаете. Скажу только, что те события, в своём рассказе, дядя Коля слегка украсил небольшими творческими дополнениями. Например, что вёл его, в тот день (день знакомства) на Курском вокзале, не один милиционер, а сразу трое бойцов СМЕРШа, вооружённых до зубов.

– Это самый дорогой для меня человек, – признался дядя Коля друзьям. – Надо бы, Женька, его помянуть. А то сейчас, чую, моя Анхен притопчется. А у неё же ничего святого. Одно слово – немчура.

– Конечно, помянем, – согласился Евгений и потянулся разливать. – А почему немчура?

Дядя Коля рассказал и о том, как они, с Дмитрием Алексеевичем, в один день взяли себе в жёны сестёр Фогель, которые просто с ума сходили по ним. Рассказал, как он за три месяца воздвиг эти два дома, первые на этой улице. И много,

чего ещё мог бы он рассказать, но в комнату вошла тётя Аня.

– Ну вот, – стушевался старик, но тут же приосанился. – Ну, вот, знакомьтесь ребятаки, Анна Паулевна – жена моя вечная. Проходи, садись.

Но всем присутствующим было очевидно, что никакие приглашения тёте Ане не требовались. И чувствует она себя в этом доме повыше рангом, чем дядя Коля. Она обошла комнату, заглянула на кухню, подошла к столу, осмотрела приборы и посуду и села на стул во главе стола, напротив Евгения. Дядя Коля и Александр сидели на диване. Александр ближе к тёте Ане, дядя Коля – к Евгению.

– Это Женька, это Санька, – представил друзей дядя Коля. – Пообщайся с молодёжью. Может, голова у тебя прояснится, хоть чуток.

– А ты, что же? Наговорился уже? – удивилась тётя Аня. – Не поверю.

– Ты, Анюта, очень правильно к нему подседа, – кивнул дядя Коля на Александра, – он, кажется, такая же язва, как и ты.

– Ты, Николай, береги печень, – посоветовала невозмутимая тётя Аня. – Что-нибудь одно делай – или водку пей, или злобствуй.

– Ты посмотри на неё, Женька, – дядя Коля решил привлечь Евгения в качестве секунданта, в его словесной дуэли с тётей Аней. – До десяти лет по-русски не говорила. И не поверишь. А теперь, ишь ты, выучилась.

– Как не выучишь, когда рядом такой балаболт живёт, – раскрыла секрет своего лингвистического успеха тётя Аня.

Евгений решил не ждать разгорания этой семейной перебранки. Он взял свободную рюмку, налил её и поставил перед тётей Аней. Глядя на эти манипуляции, дядю Колю хватил, то ли приступ астмы, то ли беззвучного смеха, сквозь который он еле сумел задать Евгению свой вопрос:

– Женька, ты чего... ей?! ... Водки?! ... Ты зачем ей водки налил? – Но взглянув на серьёзные лица тёти Ани и Александра, успокоился и повернулся к Евгению. – Ей нельзя, что ты. Она, вот на свадьбе, помнится, всего-то рюмочку пригубила, так у неё до сих пор голова гудит. А что, не слышно разве?

– Да? А что за свадьба, кого обженили? – заинтересовался Евгений.

– Так я тебе про нашу свадьбу говорю. Мы женились, в 52-м.

Евгений отодвинул от тёти Ани налитую рюмку и сочувственно вздохнул. Потом он взглянул на непроницаемое лицо тёти Ани и с надеждой спросил:

– Может, тогда шампанского, тётя Ань?

– Да оставь ты её, – посоветовал дядя Коля.

– Анна Павловна, может, пива? – неожиданно поинтересовался Александр.

Тётя Аня удивлённо вскинула брови, повернулась к Александру и неожиданно согласилась:

– Выпью.

– Евгений, принеси из холодильника, – попросил Александр.

– И бокал высокий, в буфете стоит, – добавила тётя Аня.

Евгений поднялся со стула и развернулся в сторону кухни, но его остановил строгий голос дяди Коли:

– Сиди, Женька! А у нас что, немцы победили? Может кто-нибудь другой сходит? Ты только погляди на них, Женька. Расселись, раскомандовались оба, как фон-бароны какие, – но прочитав по глазам супруги, что в таком случае, скорее всего, придётся идти ему, быстро крикнул: – Олюшка! Принеси моей пива! ... Пиво-то она у меня любит, – признался дядя Коля Евгению, – бутылку может выпить одну... одна.

– Это сильно! – восхитился Евгений.

– И не говори, – согласился старик.

Я думаю, мне предоставляется удачный момент, чтобы сказать вам несколько слов о тёте Ане. То, что мне самому удалось узнать. Как она, поволжская немка, оказалась во Владимире.

Тётя Аня родилась в Маркштадте в 1931 году, в семье Пауля и Элизы Фогелей. Она была младшей из детей. Сестра Мария была старше её на семь лет, брат Александр на пять. Предки Фогелей жили в этом городе с начала его основания в конце 18-го века. Ну, как они жили? Наверное, как немцы они жили. Всё в городе – от вывесок до кличек дворовых

собак – всё было немецким. Но свою жизнь в Маркштадте тётя Аня помнила плохо. Её детство закончилось в сентябре 1941 года. По распоряжению Сталина, немцы Поволжья переселялись в районы Северного Казахстана и Сибири.

В день, когда было объявлено о высылке, у Фогелей в гостях были сестра Элизы и её муж. Они заехали на денёк, повидаться, следуя из Москвы в Куйбышев, куда эвакуировали ведомство, в котором они служили. Сестра депортации не подлежала, по документам у неё давно уже была русская фамилия. Она была замужем за русским. Муж сестры предложил Фогелям взять младшую Анну с собой и вывезти её из города, как свою дочь. Конечно, для родителей Анны, несмотря на тяжесть предстоящего расставания с общей любимицей, это предложение казалось спасением Анны. Но маленькая Анна показала свой характер. Она заявила, что будет только с семьёй, что бы их ни ждало. Ни уговоры матери, ни строгий тон отца, не смогли её переубедить. Спокойно выслушав родителей, Анна ещё раз повторила своё решение остаться с семьёй. Плакали все, кроме маленькой Ани.

В Саратове эшелон, в который их загрузили, чтобы отправить в Сибирь, перехватил какой-то представитель Наркомата лесной промышленности, с особыми полномочиями, и поезд ушёл в Пермский край. В Перми (в то время Молотов), из вагонов их пересадили на открытые платформы, на которых возили лес, и отправили дальше на север. Поезд остановился в глухом безымянном железнодорожном тупике, вокруг

которого на десятки километров не было ни одного населённого пункта. Встретивший переселенцев начальник лесхоза назначил из числа прибывших актив и объяснил задачу. Им предстояло заготавливать лес и раз в месяц отправлять его на Большую землю. Из строений, на том месте, был только наспех сколоченный сарай для хранения инструмента и провианта, да барак с двумя буржуйками. Через два года, как там появились немцы, в лесу вырос уже целый посёлок со школой, столовой, фермой, администрацией и даже клубом. Начальник лесхоза, который по всем показателям стал передовым, просто души не чаял в своих подчинённых и по мере сил старался доставать всё, что запрашивал актив переселенцев. Даже в областной администрации с его мнением стали считаться.

Закончилась война. К тому времени Фогелей осталось трое: отец и две дочери. Элиза и Александр умерли в первый год ссылки. В 1945 году Паулю Фогелю представился случай перебраться из лесхоза в город. В Пермь пришло трофейное оборудование для переработки целлюлозы. Авторитет Пауля Фогеля, как талантливого инженера и механика, был очень высок, и все взоры начальства устремились в его сторону. К тому же, вся документация на оборудование была на немецком языке. Тогда Пауль Фогель выдвинул своё условие, что после наладки им оборудования и выпуска первой продукции, он с дочерьми получает документы на право переезда в любую точку Советского Союза. Этим заявлением он заста-

вил понервничать своё начальство. Перебрав все возможные варианты, руководство согласилось только на выезд дочерей, но сразу же, ещё до начала всех работ. Марию и Анну отец отправил во Владимир с письмом для своего дяди, который обосновался во Владимире задолго до Октябрьской революции. Дядя, к слову сказать, тоже был урождённый Фогель, но после начала Первой мировой войны, полицмейстер, семью которого он лечил, записал его в документах, как Фокина Михаила Ивановича. Так, на всякий случай.

Приехав во Владимир, сёстры разыскали старика, вручили ему письмо и рассказали все свои злоключения. Тётя Катя, жена Михаила Ивановича, русская, стала для сестёр второй матерью. Их сыновья погибли на фронте. Обычно спокойная и, можно сказать, безразличная к течению своей жизни, с появлением в их доме Марии и Анны, тётя Катя обрела новый смысл жизни. Но стать наседкой для сестёр, Михаил Иванович своей жене не давал. Уже на третий день, как они приехали, он стал водить их с собой в госпиталь, для помощи раненым, а по вечерам учил их русскому языку, а сам, с их помощью, повторял немецкий, который основательно позабыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.